

Одесса 1941 г.

ИРИНА ЛОБУСОВА

Зинаида Крестовская, став полноправным сотрудником НКВД, получает важное задание. Однако даже после многих лет работы в морге, когда, как она думала, ее уже ничем не испугать, это задание шокирует: одну за другой в городе находят мертвыми маленьких девочек. Они из разных социальных слоев, не были знакомы, объединяет их только то, что они в нарядных платьях и их лица покрыты театральным гримом... Крестовская должна найти того, кто это сделал. Она пытается отказаться от выполнения этого задания, однако ее жизнь ей уже не принадлежит — она принадлежит другому человеку...

ПРАЗДНИК СВЯТОЙ СМЕРТИ

FOLIO

Ретродетектив

Ирина Лобусова

Праздник Святой Смерти

«ОМІКО»

2020

УДК 821.161.1(477)

Лобусова И. И.

Праздник Святой Смерти / И. И. Лобусова — «ОМІКО»,
2020 — (Ретродетектив)

Зинаида Крестовская, став полноправным сотрудником НКВД, получает важное задание. Однако даже после многих лет работы в морге, когда, как она думала, ее уже ничем не испугать, это задание шокирует: одну за другой в городе находят мертвыми маленьких девочек. Они из разных социальных слоев, не были знакомы, объединяет их только то, что они в нарядных платьях и их лица покрыты театральным гримом... Крестовская должна найти того, кто это сделал. Она пытается отказаться от выполнения этого задания, однако ее жизнь ей уже не принадлежит – она принадлежит другому человеку...

УДК 821.161.1(477)

© Лобусова И. И., 2020

© ОМІКО, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ирина Лобусова

Праздник Святой Смерти

Серия «Ретродетектив» основана в 2018 году

Художник-оформитель *М. С. Мендор*

© И. И. Лобусова, 2020

© М. С. Мендор, художественное оформление, 2020

© Издательство «Фолио», марка серии, 2018

Глава 1

26 февраля 1941 года

Снег с грунтовки сошел около недели назад, оставив на жирной земле белесые подпалины, похожие на нарывы. Несмотря на погоду, удивительно теплую для конца зимы, по ночам, особенно ближе к полуночи, все еще было морозно. И скользкая изморозь покрывала эти лужи-подпалины, создавая ледяную корку по краям, отчего обычные лужи казались экзотическим коктейлем в черном стакане, края которого посыпаны сахарной пудрой.

Неустойчивость погоды особенно остро чувствовалась за городом – там, где неухоженность грунтовых сельских дорог становилась настоящей проблемой для тех, кто был вынужден добираться по этим дорогам. Пробираясь по бездорожью и кляня все на свете, люди застревали в вязком черноземе и, особенно ближе к ночи, ощущали на себе всю прелесть зимнего мороза, не ушедшего никуда, на уставшей земле застывавшего хрупким, но злым льдом.

Большой черный автомобиль, в котором за версту можно было опознать служебный, медленно полз по ухабам, кое-как переваливаясь через полузамерзшие лужи. Дело шло к ночи, и сумерки, быстро переходящие в лиловую тьму позднего вечера, стремительно покрывали серым цветом белесый придорожный лед.

Автомобиль двигался очень медленно, еще больше замедляя скорость на изгибах неровной дороги, которая в этих местах была особенно трудной: то поднималась в гору, то петляла из стороны в сторону, то резко шла под уклон.

Григорий Бершадов, держа неизменный кожаный планшет на коленях, уже заметно обтрепанный по краям, сидел на заднем сиденье, прямо за напряженной спиной шофера. Пытаясь изо всех сил скрыть свое волнение, тот вцепился в руль пальцами, на которых проступали заметно побелевшие костяшки.

Кроме шофера и Бершадова, в машине находилось еще двое мужчин. Первый сидел рядом с шофером. Был он в возрасте, лет пятидесяти, на нем единственном была синяя форма офицера НКВД, седые волосы были аккуратно приглажены под форменной фуражкой. Впро-

чем, офицерский чин у него, судя по нашивкам, был самый младший. Как и шофер, он пытался скрыть свое волнение, однако это ему плохо удавалось.

Спина у него была напряжена, как будто в нее вбили кол, руки, сжатые в кулаки, время от времени начинали подрагивать, а губы, которые он постоянно сжимал, были абсолютно обескровлены, какого-то снежно-белого цвета, и эта неестественная бледность придавала его лицу что-то зловеще-жалкое – такое выражение бывает только у каких-то очень старых, растерявших свою мощь злодеев, судьбой и людьми отправленных на покой.

Он постоянно оборачивался к Бершадову. Лицо его при этом становилось просительно-жалким. Заискивал он так неумело, что всем остальным, даже шоферу, было тошно это видеть.

С ним никто не говорил, однако губы его время от времени шевелились, словно он пытался что-то произнести. Но напряженное молчание в салоне автомобиля чувствовалось с такой силой, что заговорить абсолютно было нельзя. От этого – и это было понятно всем – мужчина все больше и больше погружался в свой страх.

Второй же был молод, достаточно красив и так же, как и Бершадов, одет в штатское. Он сидел возле противоположного от Григория окна, и тоже словно вдавливался в сиденье, намеренно пытаясь занять как можно меньше места.

Несмотря на то что этот человек тоже боялся, он все-таки более умело скрывал свой страх. Может быть, в силу молодости, когда даже к самым тяжелым испытаниям можно относиться легко.

Впрочем, он тоже волновался – это проявлялось в том, что время от времени, когда автомобиль подскакивал на очередной выбоине или кочке, он чертыхался сквозь зубы, цепляясь пальцами за кожаное сиденье. К тому же он все время ерзал, словно ни секунды не был способен усидеть спокойно. Со стороны все это выглядело так, словно это кожаное сиденье его жгло.

Стоило автомобилю в очередной раз замедлить ход, чтобы перевалиться через очередной бугор, как, вцепившись в сиденье, молодой что-то процедил сквозь крепко стиснутые зубы и, не выдержав, громко воскликнул – так, что седой мужчина просто подскочил:

– И долго еще нам трястись в этой колымаге?!

– Быстрее не могу, рессоры полетят, – мгновенно отреагировал шофер. – У меня еще и с маслом беда, так что, не дай Бог, заночуем в этой дыре на ночь глядя. А в феврале-то ночи морозные!..

– Так уже ночь на дворе! – воскликнул молодой, – ты бы хоть печку включил, если уж быстрее ехать не можешь!

– Тебе-то куда спешить? – усмехнулся Бершадов, и, едва прозвучал его тихий, спокойный голос, как молодой весь сжался, прикусил губу и больше не издал ни единого звука. Вжавшись еще больше в сиденье, он пытался стать как можно меньше.

Бершадов между тем неторопливо раскрыл планшет, достал пачку машинописных листов и карандаш и принялся делать какие-то пометки. Но очень быстро перестал.

– Продолжай дальше, – скомандовал вдруг он, как бы продолжая. – Так на чем мы остановились? – Рука его с карандашом замерла на очередной пометке, которая была жирно подчеркнута фиолетовым грифелем.

Седой мгновенно обернулся:

– В последний раз его видели в районе Болграда, там, где раньше граница была. По слухам, он пытался переправиться через озеро Ялпуг, искал лодку. Договаривался с местными рыбаками.

– «По слухам, видели»... – поморщился Бершадов. – Это не работа. А у меня есть сведения, что он спокойно разгуливал по Одессе два последних дня, продавал часть ворованной одежды в скупке на Привозе. А вы: «Озеро... Рыбаки...» С такой работой давно пора вас отдать под трибунал!

– Помилуйте... Да я... Да мои люди... Наружное наблюдение... Четверо суток не снимали... – быстро-быстро залепетал седой, побледнев (это было видно даже в темноте) и задрожав при этом так, словно на него действительно было нацелено дуло пистолета.

– Учтите, я вас взял с собой только потому, что вы с самого начала вели это дело, – спокойно произнес Бершадов, – и финальный аккорд – арест – по праву принадлежит вам. Вы хоть знаете, где находитесь? – усмехнулся он.

– Где-то под Овидиополем, – прошептал седой.

– Верно. И едем мы туда по одной простой причине. У меня есть люди, которые работают гораздо лучше, чем вы. Советую это запомнить. – Григорий вернулся к бумагам.

В машине повисла напряженная тишина. Бершадов сделал несколько пометок в документах. Повернулся к сжавшемуся на сиденье молодому:

– Игорь, что по сожительнице?

Тот мгновенно очнулся:

– Как мы и предполагали, фенobarбитал. Он отравил ее, подсунув тройную дозу. Очевидно, она нашла у него фальшивые документы. И, по слухам, даже устроила скандал.

– И снова: «Очевидно... По слухам...» – поморщился Бершадов. – С ума сойти, с кем приходится работать! – воскликнул, не удержавшись. – Учти, Игорь! Я разрешил тебе остаться в органах и даже взял в свой отдел не из уважения к твоим прошлым заслугам. Есть разные причины, по которым я дал тебе этот шанс. Знать тебе их не обязательно. Но если ты провалишь эту операцию...

– Я не провалю! – В голосе того, к кому Бершадов обращался, Игоря Барга, зазвучал такой энтузиазм, что внешне он напомнил скорее истерику. – Я не провалю! Чем хотите поклянусь!

– Молчи уж! – вздохнул Бершадов.

– Въезжаем в город, – сказал шофер, и автомобиль, чуть ускорившись, выехал на более ровную дорогу.

– Дом там, где конный завод, – сказал Бершадов.

– Да помню я, – вдруг огрызнулся шофер, скорее, по привычке, чем из-за бесстрашия.

– Дом окружен, – продолжал, не обращая на этот выпад внимания, Григорий. – По моим сведениям, сейчас он там находится. Он ждет паспорт, чтобы отправиться на паромную переправу. У него есть сообщники, которые должны провести его на паром незаметно для пограничников. Паром отправится в Батуми. Оттуда, горными дорогами, он собирался выбраться из СССР и перейти на запад. Он твердо уверен, что это отличный план. Насчет сообщников, – улыбнулся Бершадов.

– Они... – молодой не осмеливался на него посмотреть.

– Арестованы, все до единого, – снова улыбнулся Григорий. В глазах его при этом не отражалось и тени улыбки.

Наконец показались первые дома. Так как уже стемнело, кое-где в окнах горел свет. Дорога стала более оживленной. Стали появляться люди, автомобили.

На особенно оживленном перекрестке – здесь располагалась остановка автобуса – прямо за навесом стоял большой грузовик. Шофер, подняв крышку капота, копался в моторе. На лавочке остановки две старухи в платках, оживленно беседуя, ждали, видимо, последнего автобуса в город.

– У человека машина сломалась, – вдруг сказал Бершадов, увидев грузовик, – а ну-ка остановись! Надо подсобить.

Шофер бросил на него недоумевающий взгляд. Однако перечить не решился и аккуратно затормозил рядом с шофером грузовика. Бершадов вышел из машины.

– Помощь нужна, отец?

– Да спасибо, все уже в норме. – Пожилой водитель, оторвавшись от капота, двумя пальцами правой руки поправил воротник куртки. – Масло вот меняю. Еще полчаса – и пойдет!

– Может, бензин нужен, или до города подбросить? – повторил Бершадов.

– Нет, никакого риска здесь нет, – как-то немного невпопад ответил водитель. – Полчаса – и все, справлюсь.

– Ну, как знаешь. Удачи тебе! – Григорий вернулся в машину и жестом велел шоферу ехать дальше.

– В доме их двое, – произнес он задумчиво. – Второй пришел полчаса назад. Дом окружен. У обоих пушки. Ждут только нас, чтобы начать штурм. Действовать надо аккуратно, иначе многих положат. Как аккуратно – я придумал.

– Тянуть со штурмом? – подал голос Игорь Барг.

– Снайпер, – хмыкнул Бершадов, презрительно взглянув на него. – Второго положит снайпер. Второй мне не нужен. Все равно я знаю, кто он такой. Так, шестерка.

– А... – попытался что-то сказать Игорь но, перехватив взгляд Бершадова, умолк.

Дальше ехали молча. Прошло минут десять, как вдруг... Дикое ржание, раздавшееся сразу со всех сторон, заставило шофера резко нажать на тормоз. По дороге двигался табун лошадей. Абсолютно неуправляемые, они мчались со всех сторон, своим громким ржанием оглашая воздух.

– Что за... – начал Бершадов, но продолжить не успел.

Взрыв раздался с такой силой, что автомобиль содрогнулся всем своим упругим металлическим телом. В тот же самый момент над дорогой взвился сноп пламени. Яркие огненные всполохи охватили деревья ослепительным оранжевым вихрем. На ходу выхватывая оружие, из автомобиля выскочили Бершадов и его спутники.

Корпуса конного завода пылали. Очевидно, внутри взорвалось топливо или бензин, потому что новый взрыв разорвал воздух с таким резким звуком, что, казалось, от него вполне могли полопаться барабанные перепонки.

В следующие несколько минут вокруг разверзся настоящий ад. По дороге метались обезумевшие, перепуганные лошади, которые каким-то образом умудрились вырваться из пламени. С оглушительным треском рушилось пылающее здание конного завода: лопался шифер, трескались стекла, падали балки...

Потом пришел крик. Люди бежали со всех сторон. Они метались таким же перепуганным стадом, как и лошади, которых некому было остановить. Казалось, взорвалась сама земля, на которой творилось это невероятное, дикое...

Бершадов побежал было вперед, но, едва не сбитый толпой людей, сразу остановился. Все ринулись к пылающему конному заводу.

– Не проехать!! – пытаюсь перекричать этот гам, обернулся к Бершадову шофер. – Там вообще не проехать!!

– Сам вижу! – огрызнулся Григорий. Его все больше охватывала паника: он понимал, что теряет время.

– Немного вперед продвинься! – крикнул. – Все в машину! – обернулся к остальным.

– Куда, в самое пекло?! – крикнул в ответ шофер, однако мотор завел и очень медленно, лавируя среди паникующей толпы и обезумевших лошадей, налетающих на машину, начал продвигаться. Однако тут же стал. Проехать дальше возможности не было. Бершадов выскочил из автомобиля и пошел вперед. Гарь и жар заполняли воздух.

На ходу он тормознул молоденького милиционера:

– Что здесь происходит?

– Конный завод горит! – Лицо парня было покрыто сажей. – Час назад вспыхнул! А теперь котлы газовые взорвались! Взрыв слышали?

– Почему вспыхнул? – Бершадов изо всех сил пытался перекричать шум, стоящий вокруг.

– Говорят, диверсия! Поджог! – крикнул в ответ милиционер. – Несколько их было! А лошадей выпустили! Вы поворачивайте, по дороге теперь не проехать!

– А дома за заводом? – Бершадов впервые в жизни потерял над собой контроль, буквально вцепившись в форменную тужурку мальчишки. – Что с ними?

– Да вроде не горят дома! – Мальчишка посмотрел на Бершадова удивленно расширенными глазами. – Так завод горит! Про дома никто и не слышал!

Чертыхнувшись, Григорий выпустил парня, оттолкнул его. Вернулся в машину.

– Разворачивайся! – Из его глаз сверкали молнии. – В объезд поедem!

– Да как тут проедешь? – не выдержал шофер. Несмотря на панику, он как мог реально оценивал ситуацию. – Как?!!

– Разворачивайся, кому сказал! – Достав пистолет, Бершадов щелкнул предохранителем. Лицо его стало страшным.

Дважды упрашивать шофера было не нужно. Резко крутанув руль в сторону и съехав с дороги, едва не задавив какую-то бьющуюся в истерике бабу он выехал на невспаханное поле и, сделав круг, двинулся посреди бездорожья. Несколько раз мотор заглох. Шофер пытался его запустить. Не выпуская из рук пистолета, Бершадов страшно ругался сквозь стиснутые зубы. Он понимал: драгоценное время было потеряно.

Минут через сорок, обогнув пылающее здание конного завода, они вывернули в какой-то пролесок, за которым снова открылась грунтовая дорога. И, выехав напрямик на грунтовку, увидели впереди небольшой, стоящий просто в поле, каменный одноэтажный дом, огороженный деревянным забором.

– Здесь. Из посадки не выезжай, – коротко скомандовал Бершадов шоферу. – Дальше пешком пойдем. Оружие наготове, всем! – и первый вылез из машины.

Все трое прошли через посадку и очень скоро увидели ярко освещенные окна первого этажа дома. Два окна без занавесок и без ставень просто полыхали огнем.

– Они здесь, в доме. Это хорошо, – кивнул Бершадов и, подойдя к выходу из посадки, тихонько свистнул.

Однако условного свиста в ответ не последовало. Он еще раз свистнул – громче. Тишина. Если б было светло, можно было бы разглядеть, как лицо его стало совсем белым.

Возле выхода из посадки виднелась небольшая траншея. Бершадов подошел к ее краю. Там лицом вниз лежал парень в солдатской форме. Рука его сжимала винтовку. На затылке расплывалось огромное темно-багровое пятно.

– Нет! – щелкнув предохранителем, Бершадов помчался к забору... И почти сразу наткнулся на труп второго солдата. Похоже, он был застрелен точно так же, как и предыдущий.

– Засаду перебили. Всех, – мрачно прокомментировал подошедший Игорь Барг.

Минут через двадцать были обнаружены трупы всех остальных: все люди, которые должны были осуществлять засаду возле дома, оказались мертвы. Все четверо. Полностью потеряв над собой контроль, седой мужчина непрерывно крестился дрожащими руками.

Калитка в воротах была открыта.

– Быстро, все туда! – мрачно скомандовал Бершадов.

– Я не пойду! – Седой стал пятиться назад. – Они и нас застрелят! Это убийцы! Они всех перестреляли! Я жить хочу!

– Пойдешь! – Бершадов сверкнул на него страшными глазами. – Или тебя застрелю я. Моя рука не дрогнет, не сомневайся!

Плача и крестясь, седой поплелся следом за Бершадовым и Баргом.

Дверь в дом была открыта настежь. Бершадов с одной стороны, Барг – с другой осторожно вошли внутрь.

Ни в прихожей, ни в ярко освещенной комнате никого не было.

– Осмотреть дом! – скомандовал Бершадов.

Через полчаса с осмотром было покончено. В доме было две комнаты, кухня, погреб и техническая пристройка. И нигде, ни в одном из этих помещений не было никого – ни единого человека. Дом был абсолютно пустым.

– Перебили засаду и ушли, – прокомментировал Игорь Барг, – а завод подожгли, чтобы нас задержать.

Ничего не ответив, Бершадов молча прошел в гостиную. Комната была ярко освещена. Несмотря на то что дом стоял на отшибе, в нем было электричество. Пустой стол посередине комнаты, кровать, покрытая несмятым покрывалом...

Медленно, все еще сжимая пистолет в руке, Бершадов обошел всю комнату, заглянул во все углы.

Внезапно его внимание привлек большой деревянный сундук, угол которого торчал из-под кровати. Казалось, его засунули в спешке, так и не успев задвинуть под кровать до конца. Бершадов жестом велел седому помочь ему достать сундук. Неожиданно седой отскочил:

– Я не буду это делать! Я не прикоснусь к этому! Ни за что! – По его трясушемуся лицу обильно текли крупные капли пота.

– Игорь... – Бершадов перевел на Барга тяжелый взгляд.

Вместе они вытащили сундук на середину комнаты. Григорий открыл крышку. Внутри лежал... мертвый ребенок, совсем маленькая девочка, лет пяти.

Она была одета в белое пышное платье. Лежала на спине, руки, как при молитве сложены на груди. Наклонившись, Бершадов понюхал ее губы – от них пахло то ли чесноком, то ли горчицей. На лице девочки виднелись следы какого-то белого вещества.

– Мать Божья... – прошептал Барг.

Бершадов медленно повернулся к седому:

– Ты знал... Ты отлично знал, что в сундуке... Это ты его предупредил о засаде... Из-за тебя убили моих людей...

– Нет... Я все объясню... Я не знал... – Седой стал медленно пятиться прочь.

Почти не прицеливаясь, вскинув руку в очень быстром, едва уловимом жесте, Бершадов выстрелил прямо в голову седому.

Пуля прошла посередине лба. Игорь Барг издал глухой крик. Тело седого, обмякнув, рухнуло прямо к ногам Бершадова. Из раны на лбу вытекла тонкая струйка крови...

Глава 2

11 марта 1941 года

К ночи ветер разбушевался вовсю. Огромная ветка тополя, росшего под самым окном, рухнула от его порывов, выбив на втором этаже три окна. Грохот был такой, словно на дом сбросили настоящую бомбу.

Сбежались все – не только взрослый персонал, но и большинство воспитанников. Впрочем, когда разобрались, что все нормально и ничего страшного нет, хватило нескольких окриков и увесистых подзатыльников, чтобы все дети вернулись по кроватям.

Дав приказ рабочим на завтра спилить злополучный тополь, Галина Петровна Ветрова – директор интерната – вернулась к себе в кабинет, на ходу переговариваясь с завучем по воспитательной работе.

– Я давно хотела спилить этот тополь! – говорила она. – Что за дурацкая идея была посадить такое дерево рядом с детским учреждением? Половину Одессы тополями засадили, в июне вообще дышать невозможно! Хорошо, что он упал!

– Так приказ был сверху, – осторожно кашлянула завуч, не всегда разделявшая неприлично вольные взгляды директора.

Та отмахнулась от завуча, как от надоедливой мухи. У Ветровой была такая манера – разговаривать и вести себя пренебрежительно, когда она была чем-то встревожена. А тревог хватало. Все в доме, быт которого удалось наладить с таким трудом, трещало по швам.

Официально это был интернат для трудновоспитуемых детей и подростков – так это числилось по всем документам. Но на самом деле это был детский дом для детей врагов народа – тех, кто был осужден и отправлен в лагеря, а также тех, чьи родители уже давно находились в тюрьмах. Не обязательно за политические, часто – за уголовные преступления. В общем, антисоциальных элементов.

Поэтому дети были здесь разные – и страшные, и странные. И очень долгое время руководство никого не могло найти на должность директора, несмотря на высокую зарплату, льготы

и довольно солидное положение. Те, кто пробовался на эту руководящую должность, выдерживали от силы месяц. Но в конце концов слава о страшном месте распространилась со скоростью ветра, и любые желающие поступить на эту тяжелую должность закончились.

Тогда стали официально назначать, но от этого дела пошли еще хуже. Бывшие чекисты и сотрудники правоохранительных органов не могли найти общего языка с детьми и ничего не смыслили в педагогике. А учителя и педагоги не обладали настолько сильным характером, чтобы держать в повиновении малолетних потенциальных преступников, не испытывающих к своим воспитателям, то есть мучителям, ничего, кроме ненависти.

Боль от потери родных, обида на жестокую судьбу, ненависть от несправедливости, злое, безжалостное обращение – все это превратило бывших детей в опасных и злобных зверьков, неспособных жить иначе, кроме как с ненавистью. В интернате страшно возросла преступность и побег. Руководство разводило руками и не знало, что делать. До тех пор, пока одному из членов обкома партии не пришла в голову довольно здравая мысль. Он вспомнил о своей сослуживице по гражданской войне, которая в 20-х годах командовала отрядом Красной армии, – старой, убежденной большевичке с железным характером, которая к тому же по образованию была педагогом.

Женщина эта была в возрасте – за 60 – и давным-давно удалилась от всех дел. Но, поразмыслив и посоветовавшись с товарищами, этот вспомнивший о ней партиец решил, что лучшей кандидатуры не найти. Он отправился к боевой большевичке домой и соблазнял ее заманчивым, но лживым предложением райской жизни до тех пор, пока та не согласилась.

Надо сказать, что Галина Петровна была далеко не душой и сразу поняла, что ее зовут в ад. Но сидеть дома ей было скучно, а деятельная натура все еще требовала выхода. И она согласилась.

Так у детского дома появилась директор. И уже через месяц стало понятно, что более удачный выбор сложно было сделать.

У боевой большевички оказался железный характер и нестандартный подход к контингенту. А святая вера в ленинские идеалы заставляла ее придерживаться справедливости. Но самым главным было другое. К своим подопечным она относилась не как к преступникам, а как... к детям. Да, для нее это были дети, а не виновные. Все это способствовало тому, что в детдоме моментально уменьшилась смертность – от болезней и жестокости воспитателей, а еще сократились побег, а воровство сошло почти на нет.

При этом Галина Петровна управляла детским домом стальной рукой, и через два года ее работы адское место превратилось в образцово-показательное заведение.

Надо сказать, что это было нелегко не только для нее, учитывая происходящее в стране и постоянный, тотальный голод. На дом выделялись очень урезанные средства, не хватало самого необходимого. Изо дня в день Ветрова билась над тем, как накормить детей, как приобрести самые необходимые вещи. Порой ей просто хотелось опустить руки – ситуация выглядела безвыходной.

И вот теперь, возвращаясь в свой кабинет после падения этого чертового дерева, вместе с завучем Галина Петровна снова и снова обсуждала финансовые вопросы. Несмотря на то что она не жила в детском доме, ее рабочий день редко заканчивался раньше 10 вечера, и к себе домой она возвращалась только к одиннадцати.

Было уже около десяти вечера, когда, заперев все документы в сейфе и ответив на самые важные вопросы, Ветрова распрощалась с завучем и собиралась уже выходить из кабинета. Она уже надела пальто и потушила свет, как вдруг услышала тихий, какой-то странный стук в дверь. Казалось, что не стучали, а скреблись.

Галина Петровна нахмурилась, включила свет и распахнула двери. За порогом стояла одна из новеньких воспитательниц, самая молоденькая. Лицо ее было залито слезами, а руки дрожали.

Надо честно сказать, что справедливость директора распространялась на всех. В первые же месяцы своей работы она разогнала всех, как она говорила, изуверов, садистов и солдафонов, ведущих себя с детьми как с заключенными. Физические наказания карались строго. Одного воспитателя, усердствовавшего в избиении воспитанников, она даже умудрилась отдать под суд.

Однако, несмотря на такие жесткие меры и на более-менее нормальную ситуацию с воспитанниками, найти новых воспитателей было очень сложно. Учителя и выпускники педагогических вузов здесь не задерживались. В конце концов некоторых старых воспитателей даже пришлось вернуть.

Но то, что директор полностью пресекла издевательства, сыграло ключевую роль не только для воспитанников: брать новых людей на работу стало несколько проще.

Девушка, которая, плача, вошла к ней в кабинет, летом закончила педагогический вуз, получила диплом и почти сразу пришла сюда на работу. Это было ее первым рабочим местом, поэтому опыта не было никакого, да и характер ее оказался слабоват. Впрочем, она как могла справлялась со своими обязанностями, понемногу находила общий язык с воспитанниками, и у Ветровой не было к ней особых претензий.

Однако, увидев эти слезы, Галина Петровна решила, что та пришла увольняться, мол, не выдержала.

Ветрова нахмурилась: она очень не любила слабых людей и не выносила слез. Сама не плакала никогда в жизни, считала слезы пустым занятием и признаком непростительной слабости. Поэтому зареванная девушка могла вызвать у нее только недовольство.

– Что произошло? – резко спросила она, не предложив воспитательнице сесть.

– Беда, – девушка заломила руки, – девочка исчезла! Из моего отряда!

– Как исчезла? – Ветрова невольно сжала кулаки.

– Обнаружили ее пропажу после того, как ветка рухнула!

– Ясно, сбежала. Кто?

– Рада Ермак, – всхлипнула девушка, – цыганка. Ну та, маленькая, вы знаете. Ее подобрали на Привозе. Только она не сбежала.

– Что значит – не сбежала? – не поняла Галина Петровна.

– Все ее вещи на месте, – заторопилась объяснять воспитательница. – Верхняя одежда, даже тапочки. Поэтому я и не сразу обнаружила ее исчезновение.

– Тополь выбил стекла в девять... – задумчиво произнесла Ветрова. – Сейчас десять. Что вы делали целый час? – строго взглянула она.

– Я завела детей обратно в комнаты, все они легли в кровати. А потом... – Девушка зарыдала.

– Да говорите же толком! Хватит сопلي распускать! – Галина Петровна топнула ногой.

– В половине десятого я прошла по комнатам, проверить. Смотрю – а кровать Рады пуста. И тапочки возле кровати стоят. Я думала, она вышла куда... Стала ее искать. Старшие дети подключились. А ее все нет и нет... – Воспитательница всхлипнула. – И вещи в шкафу, и верхняя одежда – все цело! Куда она сбежала, в пижаме?! Холодно же на улице!.. Как выйдешь... – Она все продолжала плакать, и было непонятно, – то ли о пропавшей девочке, то ли о себе.

– Эта может сбежать и так, – сквозь зубы процедила Ветрова, – воспользовалась суматохой...

Она знала, что говорила, ведь прекрасно помнила эту девочку. Маленькой цыганке было восемь. Она жила в огромной, многодетной семье в цыганском таборе в селе Нерубайское под Одессой. Семья была просто невероятно криминальной – там воровали все поголовно, младшие попрошайничали на Привозе и таскали кошельки... Свою первую кражу эта девочка совершила в четыре года.

Отец семейства и несколько старших братьев сидели в тюрьме, мать умерла от туберкулеза. Младшие дети были предоставлены сами себе и под присмотром родственников тоже занимались воровством. Раду задержала милиция на Привозе, когда она вытащила кошелек из сумки какой-то тетки. Когда выяснили все обстоятельства, девочку поместили в этот детдом.

Несколько раз она порывалась сбежать. А еще несколько раз под детдом приходили родственники из табора и устраивали страшный скандал, пытаясь вернуть ребенка. Дважды директор вызывала милицию.

Когда девочка поступила в детдом, у нее было воспаление легких, она была страшно зашивлена. В свои восемь лет не умела ни писать, ни читать. А мышление было на уровне пятилетней...

Другие дети невзлюбили девочку сразу – потому что с первых же дней она принялась воровать, и из-за этого нуждалась в постоянной слежке. Было件件но, что привычка к воровству у нее в крови, и будет очень сложно избавить ее от этого.

Но в любом случае ее побег означал серьезную неприятность. Вздохнув, Ветрова сняла пальто, которое уже успела надеть, и повесила его в шкаф.

– Ведите, – произнесла покорно.

Кровать Рады была расстелена, но не примята. Создавалось впечатление, что девочка даже не ложилась. Это означало, что она исчезла еще раньше, воспользовавшись шумом и суматохой. А значит, целый час был потерян. С соседних коек за директором встревоженно наблюдали испуганные детские глаза.

Галина Петровна открыла тумбочку девочки и принялась осматривать ее вещи. Они были на месте. Ничего не пропало, и не появилось ничего нового. Ветрова была достаточно опытна, поэтому подняла с кровати матрас. Здесь, как и ожидала, она кое-что обнаружила.

Под матрасом была спрятана маленькая стеклянная баночка, очень похожая на баночку от женского крема, но только без этикетки. Галина Петровна отвернула крышку – баночка была заполнена чем-то белым.

– Что это такое? Крем для лица? – Она зачерпнула содержимое пальцем, принялась и нахмурилась.

– Может, крем? – неуверенно отозвалась воспитательница.

– Нет, – ответила Ветрова через минуту, энергично растирая белое содержимое баночки на руке, – это не крем. Он не впитывается.

– Тогда что это такое? – удивилась воспитательнице.

– Я не знаю. Похоже на какую-то косметику. Но откуда это у нее? Баночка почти полная, – Ветрова задумалась. – Сама она это купить не могла... Значит, кто-то ей дал. Кто и зачем дал такую странную вещь восьмилетнему ребенку?

Воспитательница снова начала плакать. Галина Петровна сурово сжала губы:

– С кем она дружила? Кто ее близкая подруга?

– У нее не было подруг, – продолжала плакать воспитательница.

– Это неправда! Подруга должна быть! А ну-ка быстро поднять всех, кто с ней общался в классе, с кем она сидела за партой и кто здесь, в комнате, спит поблизости, и ко мне в кабинет!

Минут через двадцать возле кабинета директора сидели пять перепуганных девочек. Все они заходили в кабинет поодиночке, и всем им Ветрова задавала одинаковые вопросы. Да и ответы их были до боли одинаковые: Раду не видели, с ней не разговаривали, она ничего не говорила, и куда она делась – непонятно.

Когда из кабинета вышла последняя, Галина Петровна повернулась к воспитательнице:

– Я хочу снова видеть девочку, которая вошла в кабинет второй. Верните ее. Как ее имя?

– Это Майя. Она тоже цыганка, из молдавского села Бельцы, – живо отозвалась воспитательница. – Ее доставили сюда на месяц раньше Рады. Да она и старше, ей 10 лет.

– Вот ее я и хочу видеть. Она что-то скрывает.

В кабинет снова вернули Майю. Девочка испуганно сжалась на краешке стула, неожиданно напомнив всем своим видом черепашку.

– Ты нам солгала, – строго произнесла Ветрова. – Немедленно говори, о чем тебе рассказала Рада! Иначе...

– Я не хотела ничего такого, – девочка заплакала, – я ей пообещала, что никому не скажу...

– Что именно? Что она тебе сказала?

– Ее нашла мама. Она к ней приходила несколько раз сюда, по ночам. Я еще ей так завидовала... Рада сказала, что ее обманули, и на самом деле мама не умерла. И нашла ее здесь.

– Что произошло сегодня?

– Она... Эта женщина, мама Рады, снова появилась здесь. Как только начался шум, стекло разбилось, Рада сразу побежала туда, где они встречались. В саду, возле ограды. А вылезала в сад Рада через окно кухни. Она сказала, что мама хочет ее забрать. И когда Рада не вернулась, я подумала, что она ушла с ней...

– Почему ты никому ничего не сказала?

– Как можно? – Девочка снова заплакала.

– Ты видела эту женщину?

– Нет. Рада не разрешала мне пойти с ней.

– Сколько раз она сюда приходила?

– Два раза.

– Она что-то приносила Раде, какие-то вещи, еду?

– Да. Каждый раз Рада возвращалась с конфетами, угощала меня.

– А эта баночка? – Галина Петровна показала стеклянную банку, найденную под кроватью.

– Это тоже она дала. Сказала, что этим нужно мазать лицо, чтобы быть красивой. Рада сказала, что ее мама так делает.

– А деньги?

– Нет, она не говорила...

– Ладно. Иди спать. И помни – никому ни слова!

Когда девочка ушла, воспитательница повернулась к Ветровой:

– Но как? Как вы поняли, что она лжет?

– Жизненный опыт, – Галина Петровна горько усмехнулась. – Внимательно следила за лицом каждой. Эта девочка, Майя, слишком быстро расслабилась и вздохнула с облегчением, как только я перестала задавать вопросы. Я сразу поняла, что она лжет и что-то скрывает.

– Что вы будете делать? – воспитательница всплеснула руками. – Как вы думаете, что это такое, кто ее забрал? И что, ее мать правда жива?

– Мать Рады умерла от туберкулеза. Это абсолютно точная информация, – горько вздохнула директор. – Очевидно, что девочка совершенно не помнила ее. И стоило появиться какой-то женщине, которая принесла ей конфеты, как она подумала, что это ее мама... Ужасная история... Совершенно ясно, что девочку выкрали ее родственники для того, чтобы снова отправить воровать. Я звоню в милицию.

С этими словами Ветрова подняла телефонную трубку.

– Добрый день, – решительно открыв дверь, Григорий Бершадов вошел в кабинет директора детского дома, – это я вам звонил.

– Да, конечно, – Галина Петровна поднялась из-за стола, – вы начальник Особого отдела...

– Первое управление НКВД, – закрыв дверь, Бершадов неторопливо пересек кабинет и опустился на стул напротив стола директора. Несмотря на свое железное самообладание,

Ветрова была явно взволнована, и у нее никак не получалось это скрыть. Не каждый день сотрудник столь секретного управления НКВД пересекал порог этого кабинета.

– Как я понимаю, пропавшую девочку все еще не нашли, – сказал Бершадов. – Сколько дней уже прошло?

– Два дня, – голос Галины Петровны упал.

– Вы в курсе того, что в таборе, где жили родственники девочки, был произведен обыск?

– Мне говорили. – Ветрова откашлялась, – но подробностей я не знаю.

– Внутренние войска НКВД обыскали табор сверху донизу, – сказал Бершадов, – допросили всех ее родственников. Никаких следов. Более того, среди ее родственников не было женщины, подходящей под описание, что вам дали.

– Ужасно, – голос Галины Петровны дрогнул.

– Ужасно, – кивнул Бершадов. – Нам остается лишь надеяться, что она жива, – вздохнул он.

– Постойте, почему вы говорите такие ужасные вещи?! – всплеснула руками она.

– Скажите, вы знаете этого человека? – Бершадов, не отвечая, достал из внутреннего кармана пиджака фотографию и протянул Ветровой. Та принялась внимательно разглядывать снимок.

– Лицо определенно знакомое... Я уже где-то видела этого человека... Но я не могу вспомнить где... – задумчиво произнесла она.

– Это Василий Ермак, отец пропавшей девочки, – ответил Бершадов, пряча фотографию. – Вор-рецидивист. Он сбежал из тюрьмы. И у нас есть подозрение, что именно он организовал похищение своего ребенка.

– Какой ужас... – охнула Галина Петровна.

– Будьте начеку: он может появиться здесь. Но я надеюсь, что до этого не дойдет. И еще одо. Я узнал, что было в стеклянной баночке.

– Что же? – спросила Ветрова.

– Это театральный грим. – С этими словами Григорий встал и направился к выходу из кабинета. – Странно, не правда ли? – обернулся он.

Глава 3

Вечер 12 марта 1941 года

Тень металась по стенам, как черная ведьма из преисподней, то уменьшаясь, то увеличиваясь в размерах, взмывая ввысь, под потолок. В тот момент, когда они оба размахивали руками, казалось, исполинские крылья огромной ветряной мельницы заполняют все пространство комнаты, и сама эта комната готова взмыть вверх, как огромный дирижабль.

Слишком уж причудливой была игра света и тени в узком пространстве между стенкой и матерчатым абажуром. В этом крошечном отрезке комнаты не хватало ни света, ни воздуха, оттого голоса звучали глухими и терпкими, похожими на испорченное, перестоявшее вино. А тени жили отдельной жизнью, устраивая адские пляски на выцветших от времени и солнца обоях.

Ссора была жестокой. Разгорелась она в обед, от ничего не значащего, пустого замечания, в обыденной, абсолютно стандартной обстановке, когда три столовых прибора и дымящаяся супница создавали некое подобие семейного уюта. А солнечные лучи еще разбрасывали по паркету яркие брызги и не грозились уйти в чудовищно быстро исчезающие тени.

Слово за слово, несколько ничего не значащих замечаний, и вдруг супруги Раевские, забыв обо всем на свете, и прежде всего забыв про сжавшуюся на краешке стола четырехлетнюю дочь, вооружились самыми острыми ножами из жутко ранящих слов, затачивая их взглядами, пустыми, как бездна. А заточив, они принялись наносить друг другу острые раны по тонкой поверхности души, сжавшейся под кожей, упиваясь точными попаданиями в самую сердцевину чужого сердца.

Так бывает, когда прежде близкие люди вдруг, за долю секунды, перерождаются в смертельных противников и словно не сидят друг против друга за обеденным столом, а стоят на смертоносной дуэли, где если не ты убьешь, то будешь убитым. А пули должны попасть прямо в сердце, ну, в крайнем случае, в голову, и это не столько вопрос чести – какая уже там осталась честь? – сколько вопрос дальнейшей жизни.

Что перерождает супругов в таких смертельных врагов? Обыденная, обыкновенная обстановка советской стандартной квартиры? Дымящаяся супница, столовые приборы, салфетки, открытое окно?.. На такой вопрос никогда не существует ответа.

Ведь все же остается прежним, и солнце светит точно так же, как светило за десять минут до этого, и супница дымится, и ножи-салфетки лежат... Только в глазах появляется пустота, а в глубоких тарелках вместо супа – свежая, теплая, еще дымящаяся кровь...

Нет, не было ни мордобоя, ни жуткого площадного мата, покрывающего чужие уши липким, зловонным слоем несмываемой грязи. Раевские все-таки были интеллигентными людьми и ссорились так, как должны ссориться культурные люди с обязательным высшим образованием.

Но взаимные упреки, подколки и зло в их словах были не менее жестокими и кровавыми, чем прямые удары в голову. А ненависть, горящая в раскаленных добела глазах, была намного страшней прицельного выстрела в упор.

Забыв о дымящемся супе, о курице, остывающей на большом блюде посреди стола, супруги ранили и ранили друг друга безжалостными словами, увлекаясь все больше и больше. И мирный обеденный стол превратился в поле брани, на котором уже появилась первая кровь.

Забыв об обеде, о солнце, о дочери, Раевские сошлись в смертельной схватке. И кто знает, сколько бы длился этот жестокий поединок, в котором не существует ни победителей, ни побежденных, если бы не одно... Их дочь, четырехлетняя Софийка, бесконечно вертевшаяся на стуле, сначала облилась супом и заревела, а затем уронила пустую тарелку на пол.

Тарелка не разбилась. Но грохот и жуткий рев испуганного ребенка стали ведром холодной воды, которая привела в чувство обоих. И, взяв себя в еще дрожащие руки, супруги принялись делать вид, что ничего не произошло, перебивая друг друга, стали утешать ребенка, в глазах которого застыло все страдание мира, потому что она была маленькой, но отнюдь не идиоткой и прекрасно видела, понимала, чувствовала тот момент, когда мирный семейный обед, так и не начавшись, закончился, и в смертельной схватке сошлись ее родители, а заложницей стала она...

Супруги утихомирились. Мать умудрилась даже накормить девочку куриной грудкой. Заплаканная Софийка поначалу не хотела есть, но когда родители успокоились и даже перестали смотреть волком друг на друга, девочка принялась глотать очень быстро, боясь, что если она перестанет, родители снова с жуткой ненавистью примутся ругаться. И тогда их уже точно ничто не остановит.

После обеда Раевские разошлись по разным комнатам и даже сделали вид, что ничего не происходит – впрочем, каждый по-своему. Но едва наступил вечер и зажгли свет, ссора разгорелась с новой силой.

В этот раз они ругались в спальне, закрыв за собой дверь, приглушив голоса, ведь маленькая Софийка была в соседней комнате. Ссорились они вроде тихо, но с каждым пройденным барьером голоса их становились все ожесточенней, неистовей, яростней, и постепенно они перешли на крик.

Никто из них не смотрел в сторону закрытой двери, за которой дрожащая Софийка слышала, как ругаются мама и папа. Давно забыв о приличиях и о том, что они культурные, интеллигентные люди и надо сдерживаться, Раевские поливали друг друга грязными оскорблениями. И в них снова не было мата, но было другое, что гораздо хуже – унижение друг друга, методичное нанесение уколов по болевым точкам, то, что страшнее откровенных уколов – попытка растоптать личность и человеческое достоинство, которые противники даже в самой жестокой ссоре все-таки пытаются сохранить.

Но здесь ни о каком сохранении не было и речи: переступив через определенную границу, супруги пытались нанести друг другу удар побольней.

Это были страшные, болезненные удары, настоящие раны, оставляющие после себя выжженную пустыню там, где когда-то была душа. И становилось понятно: в тех местах, где взрывная волна задела обнаженные, окровавленные нервы, уже никогда ничего не появится, кроме злости, ярости, ненависти...

В какой-то момент Раевский перешел черту. Одно из оскорблений было особенно ужасным – таким ужасным, что рука жены взметнулась вверх. На щеке супруга вспыхнул красноватый след от пощечины.

Толкнув в ответ женщину в плечо кулаком, он отбросил ее с такой силой, что, не удержавшись на ногах, она сползла по стенке, медленно оседая вниз как размазанное мыльное пятно, растекающееся по грязной воде. Самое страшное в этом было то, что именно в этот момент Софийка, приоткрыв дверь, все увидела. Не выдержав, она пулей вылетела из комнаты, пронеслась по коридору и выскочила наружу, на удивление легко справившись с тяжелой входной дверью – страшная, всегда пугавшая ее, она оказалась менее ужасной, чем то, что произошло в спальне родителей.

Подогнув под себя ноги, в состоянии полного шока Раевская сидела на полу. Все вокруг нее словно накрыл стеклянный купол, не пропускающий воздух, время начало течь медленно, очень медленно, как на киноплёнке. Она была в каком-то ступоре. И понимала, что это уже навсегда.

– Ты заплатишь за это, – прорычал супруг, возвышаясь над ней непробиваемой, мощной скалой, – ты заплатишь за то, что ты сделала! Ты посмела поднять на меня руку! За это ты заплатишь!

– Ты... ты... – Вместо слов из горла жены вырывалось какое-то страшное бульканье, в котором тонули неразборчивые слова – впрочем, их никто и не собирался разбирать.

– Я сделаю так, что ты пожалеешь очень сильно! – продолжал Раевский. – Я сделаю так, что жалеть ты будешь до конца жизни! Ты даже не представляешь, что я тебе приготовлю! До конца своей жизни ты будешь жалеть! – бесконечно повторял он.

Но женщина все больше и больше погружалась в ступор, а угрозы его становились все более устрашающими, потому что его дико бесило отсутствие реакции жены – состояние, которого он никогда не мог понять.

Обоих отрезвил звонок в дверь. Он прозвучал дважды – настойчиво и очень резко. С такой резкостью, что женщина даже сумела подняться с пола, а ее муж – сделать несколько шагов к двери.

– Кого несет... – выругавшись сквозь зубы, он все-таки пошел открывать дверь. Жена безвольно плелась следом за ним.

На пороге стоял новый сосед, который недавно переехал в их дом. Этого соседа Раевские видели всего несколько раз и затруднились бы определить его возраст – где-то между тридцатью и сорока. Внешность его тоже была абсолютно стандартна – таких не узнают, они ничем не выделяют на улице. Обыкновенный, абсолютно не примечательный человек средних лет, среднего роста, одетый и выглядевший как все.

За руку он держал Софийку, лицо которой было больше не заревано, наоборот – на нем сияла почти счастливая улыбка – рот ее был забит вкусными карамельками, и еще грудю карамелек девочка держала в руке.

– Добрый вечер, – заговорил сосед. – Я тут на лестнице вашу малышку встретил. Я так понимаю, что она случайно выскочила из квартиры, а дверь захлопнулась. А до звонка ей не дотянуться. Вот я и помог.

– Ой, спасибо вам! – Раевская уже почти пришла в себя и, нагнувшись, порывисто обняла дочку. – Даже не знаю, как вас благодарить!

– Пустяки какие! – немного смутился мужчина. – Мы же соседи. С кем не бывает.

– А что ты ешь? – Женщина увидела карамель.

– Это я угостил, – быстро сказал мужчина, – малышка плакала, и я вот... воспользовался конфетами, чтобы она успокоилась. К счастью, у меня были карамельки.

– Ой, это же дорого! Право, не стоило! – Было видно, что Раевской неудобно, ведь конфеты, которые с таким удовольствием поглощала Софийка, были для нее лакомством.

– Даже не думайте об этом! – Мужчина улыбнулся. – Все дети любят сладкое. А у меня оно нашлось!..

Распрощавшись с соседом, мать завела Софийку в ее комнату. Больше супруги друг с другом не разговаривали. Раевская переодела дочку и уложила ее. Немного убаюкала, рассказав любимую сказку. Испуганная и измученная, девочка уснула достаточно быстро. Когда же мать вышла из детской, плотно затворив за собой дверь, взрослая спальня была пуста.

Мужа нигде не было. Очевидно, он ушел, когда она укладывала ребенка. Ушел... Раевская опустилась на тумбу в прихожей, закрыла лицо руками...

14 марта 1941 года

Во дворе детского садика было непривычно тихо. Раевская, запыхавшись, бежала по разноцветным плиткам двора. От быстрого бега она сильно вспотела и распахнула пальто.

В садике была тишина, столь привычные детские голоса не звучали. Сумерки окутывали все вокруг лиловой дымкой тумана, в котором все казалось расплывчатым. Кое-где в окнах уже зажегся свет.

Она потянула на себя тяжелую дверь и столкнулась лицом к лицу с воспитательницей, которая уже собиралась домой.

– Извините, что я так поздно, – выдохнула Раевская. – Задержали на работе. А где Софийка?

– Вы что, считаете, что вас кто-то будет ждать? – Голос воспитательницы звучал неприязненно, и было видно, что она хочет поскорее уйти домой. – В последнее время вы приходите когда вздумается! Позже всех.

– Извините. Но я работаю. Я и так стараюсь рассчитать время.

– Все работают! – Воспитательница смотрела на Раевскую с заметной неприязнью.

– Где Софийка? – В голосе матери тоже появились резкие нотки, было видно, что ей надоел этот разговор.

– Так ее забрали, – воспитательница пожала плечами. – К счастью, есть люди, которые интересуются ребенком больше, чем вы.

– Кто забрал, отец?

– Говорю вам, девочку уже забрали. И вовремя, между прочим. Идите домой.

Раевская вбежала в подъезд, бегом поднялась на третий этаж, открыла дверь своей квартиры. Везде было темно и тихо.

Она остановилась в дверях, щелкнула выключателем. Яркий свет залил прихожую.

– Софийка! – громко крикнула она. Ответом была полная тишина.

Не разуваясь, не сняв пальто, Раевская побежала по комнатам. В квартире абсолютно никого не было... Чтобы не упасть, она прислонилась к стене.

Щелкнул замок входной двери. Она услышала, как в прихожей поставили сумку. Звук знакомых шагов... В комнату вошел муж.

– Привет, ты уже дома? А где Софийка? – спросил небрежно.

Раевская даже не смогла закричать, просто захрипела...

15 марта 1941 года

Бершадов медленно поднимался по лестнице. За ним с пистолетом в руке плелся Игорь Барг. На лестничной площадке между вторым и третьим этажом Григорий обернулся, покосился на пистолет:

– Прекрати эту кукольную комедию! Раньше нужно было думать! Здесь давным-давно никого нет.

– Извините, – заметно смутившись, Барг спрятал пистолет в карман пальто, – оплошал...

– Не в первый раз, – отрезал Бершадов.

– Я... знаю. Я исправлю свою вину. Но если вы разберетесь, вы поймете, что я не виноват. Засада была просто...

– Заткнись, – коротко, резко бросил через плечо Бершадов и продолжил подниматься по лестнице.

Наконец оба оказались на площадке третьего этажа. Здесь находилось всего две квартиры. Дверь слева была опечатана белой лентой. Бершадов решительно сорвал ее, достал из кармана ключ. Отпер дверь. Вместе с Баргом они вошли в прихожую, в которой не было никакой мебели, кроме одинокой, чуть криво стоящей, пустой вешалки.

Григорий щелкнул выключателем. В центре прихожей расплывалось большое мокрое пятно.

Засаду перебили в ночь с 14 на 15 марта – тех двоих, которых Игорь Барг оставил в этой квартире. Первый был убит прямо в прихожей, – ему дважды выстрелили в голову почти в упор. Второго застрелили в гостиной, когда, услышав выстрелы, он ринулся на помощь первому. Он так и рухнул прямо с пистолетом в руке – его убили так профессионально, что он даже не успел нажать на курок.

Провал засады Бершадов считал абсолютной виной Игоря Барга, потому как был твердо уверен в никчемности этого плана: оставлять двоих агентов в агентурной квартире, которую давно покинул тот, за кем следил весь отдел.

Но Игорь был уверен, что люди агента обязательно вернуться сюда. Поэтому и оставил засаду. Бершадов не стал ему мешать по одной простой причине: уж очень ему хотелось держать Барга в руках.

Агентов ему было не жаль. Не самые умные, плохо подготовленные, они были скорее обузой, чем помощью в сверхсекретной операции, отчет о которой Бершадов лично отдавал в Москву каждые два часа. Операция подходила к своему логическому завершению.

Григорий прекрасно знал, куда направляется агент, и готовился к его ликвидации на территории Молдавии, куда тот так стремился попасть. Провал же засады был служебной оплошностью Барга, которой Бершадов воспользовался с огромным удовольствием. Сам же Барг теперь пребывал в вечном страхе, даже не догадываясь, что начальник не собирается пока отдавать его под трибунал. Ключевым словом было «пока».

Сила Григория заключалась в его тайной власти, которую давала ему скрытая информация, и он с удовольствием испытывал эту власть на подчиненных. Впрочем, Игорь прекрасно понимал, что теперь находится у Бершадова в руках.

В этой квартире, по большому счету, делать было нечего. Барг не понимал, зачем начальник потащил его сюда, страшно нервничал, но вопросы задавать не осмеливался. Уж очень шатким было его положение в отделе Бершадова да и непосредственно в НКВД.

У Григория же было отличное настроение. Час назад он получил информацию, что все готово к необходимой ликвидации и что после 8 вечера агент обязательно появится на агентурной квартире в Кишиневе, где его уже ждут. Значит, операция будет успешно выполнена, а из Москвы Бершадов получит очередную награду, которых у него в последнее время становилось все больше.

Тщательно продуманный план давал ему возможность заняться другими делами, и он с удовольствием наблюдал за тем, как нервничает Игорь Барг, который был уже не в состоянии держать себя в руках.

После провала засады квартиру обыскали более чем тщательно. Сам Барг примчался мгновенно, ночью, и буквально вылизал все углы на предмет тайников, отпечатков пальцев и

прочего, что могло бы натолкнуть на след. Бершадов прекрасно знал, что Игорь действительно работает очень тщательно, поэтому можно было не сомневаться, что если бы в квартире было что-то, что могло натолкнуть на след, то он это нашел бы.

Однако там ничего нового найдено не было, и теперь Барг страдал и недоумевал: зачем Бершадов притащил его сюда снова, прикидывал в уме про себя: то ли это новое, важное дело, то ли медленная казнь.

Григорий меж тем прошелся по гостиной. На полу ее тоже расплзлось большое мокрое пятно. Он бросил небрежный взгляд на продавленный диван и пустой шкаф. Такая меблировка квартиры подчеркивала одно – здесь не жили, квартира была лишь перевалочным пунктом, убежищем на две-три ночи, когда нужно было просто спрятаться, переждать.

Бершадов не сомневался: его агент, опытный, никогда не подводивший, на одном месте больше трех ночей не ночевал. Так было и в этом случае.

Он сделал несколько кругов по комнате и снова не отказал себе в удовольствии наслаждаться нервозностью Барга.

Не решаясь ни войти, ни сесть, Игорь как изваяние застыл у стены. Он слишком хорошо успел изучить характер своего начальника и знал, что Бершадов никогда не действует прямо и что с его методами можно ожидать любого подвоха.

Наконец, когда цирк уж слишком затянулся, Григорий, улыбаясь, обернулся к Баргу:

– Успокойся. Жить будешь. Пока. Мы здесь потому, что ждем одного человека.

– Какого человека? – насторожился Игорь.

– Ты его не знаешь. Это оперативник из уголовного розыска района, где мы сейчас находимся. И он кое-что должен нам рассказать.

– Это касается дела, которым сейчас мы... то есть вы... занимаемся? – промямлил Барг, уже потерявший над словами контроль.

– Да, – неожиданно серьезно кивнул Бершадов. – И мы будем заниматься этим делом. Смотри, что у меня есть.

С этими словами он достал из кармана стеклянную баночку, заполненную каким-то белым содержимым. Это был театральный грим. Игорь сразу его узнал...

Глава 4

Это было, наверное, забавно – наблюдать со стороны за реакцией Барга, и Бершадов достаточно откровенно демонстрировал, что очень доволен зрелищем. От лица Игоря отхлынула кровь. Можно было подумать, что оно вдруг вот так сразу покрылось этим гримом – эмоций не осталось, была маска.

Руки Барга, уж какие-то слишком нежные и ухоженные как для его коренастой фигуры, вдруг затряслись, как в припадке падучей. И он срочно спрятал их за спину, чтобы скрыть это.

Если бы в комнате вдруг появился кто-то посторонний, он никогда бы в жизни не понял, почему обыкновенная баночка с белым содержимым может вызвать такой ужас у взрослого человека. Но Бершадов это знал, и Барг – знал... А потому в памяти Игоря, как и в памяти Бершадова, который значительно лучше умел скрывать свои эмоции, сразу выплыла отвратительная сцена, где не последнюю роль играла такая же баночка, о чем было достаточно неприятно вспоминать.

Бершадов первым пришел в себя и с презрительной ухмылкой поставил стеклянную баночку на стол.

– Слизняк! Возьми себя в руки, – хмыкнул он.

Барг молчал. Он так и не смог заговорить...

Конец февраля... Труп девочки в белом... Его опознали буквально в течение часа...

Уже через десять минут после того, как Бершадов застрелил своего агента, дом наполнился его людьми – оперативниками и судмедэкспертами.

Для Игоря Барга все происходящее было чудовищным. Он никогда не думал, что можно вот так, просто, застрелить человека, и все это сойдет с рук. Конечно, было понятно, что это руки разные – Бершадову будет все нипочем, всем же остальным очень не поздоровится...

Но все равно – видеть воочию такое торжество беззаконности, как это все и назвалось и было таким, Игорю Баргу было страшно. И если раньше он просто боялся Бершадова, то теперь тот стал внушать ему какой-то вселенский, благоговейный ужас.

Впрочем, боялись Бершадова и все те, кто заполнил дом. Труп бывшего сотрудника НКВД запаковали в брезент и увезли с глаз подальше, а над трупом ребенка принялся колдовать судмедэксперт.

Бершадов же прямо перед собой, в ровную линию, построил оперативников, приехавших из Одессы, и произнес спокойным, но твердым голосом:

– Я хочу знать, кто она. В течение часа. Повторяю: на установление личности – час.

После этого оперативники буквально растворились в воздухе. Барг забился в какой-то угол и не видел, а слышал, как Бершадов подошел к судмедэксперту.

– Возраст – пять-семь лет. Не старше семи... – начал было эксперт, но Бершадов тут же его перебил:

– Почему от трупа так разит чесноком? Это ужин или яд?

– Яд, – несколько растерявшись, но твердо ответил эксперт. – Причина смерти – яд. Судя по всему, ей дали его с чем-то сладким – с конфетой или с печеньем. На губах – сахарный сироп.

– Какой яд? – На лице Бершадова вообще не отражалось никаких эмоций, даже когда он смотрел на труп ребенка.

– Затрудняюсь сказать, – замялся судмедэксперт. – Тут у меня есть несколько предположений. Очень странные раны на коже. Более точно скажу после вскрытия, когда сделаю анализ.

– Она была изнасилована? – продолжал Бершадов.

– Нет. Насилия не было. Как и синяков, ссадин на теле, – покачал головой эксперт.

– Что насчет одежды?

– Явно с чужого плеча. Судя по всему, ее одели после смерти. Платье немного мало, поэтому его разорвали на спине. Оно вообще очень странное... Натуральный шелк... Это дорогой материал. Модницы платят за него большие деньги. Непонятно, зачем вот так – надеть и разорвать...

– Ритуал? – Похоже, сам у себя спросил Бершадов. – Оно похоже на свадебное?

– Возможно, – вздохнул эксперт. – Но это ведь может быть связано и с первым причастием. У католиков, например, есть такая традиция. Поскольку это ребенок, такая версия кажется мне более вероятной, чем свадьба... Первое причастие, белое платье как символ невинности...

– Вы католик? – насторожился Бершадов.

– Упаси господи! – воскликнул тут же эксперт, – ...я просто прослушал курс научного атеизма!..

– Ясно, – Бершадов не старался скрыть иронии, блеснувшей в его глазах. И эта ирония, вдруг появившаяся абсолютно без повода, вызвала полное недоумение окружающих, не слышавших его разговора с судмедэкспертом.

Между тем осмотр тела был окончен. Бершадов в последний раз бросил взгляд на тело девочки, затем зачем-то поднял ее руку и посмотрел на пальцы.

– Взгляните, доктор, – обернулся он к эксперту, – грязь под ногтями, видите? Значит, она работала в земле. Происхождение – крестьянка, да еще из самых бедных. Богатые люди не заставят работать в огороде такого маленького ребенка...

На лице эксперта появилось какое-то жуткое выражение. Он явно хотел что-то сказать, но промолчал...

Ровно через час явились с докладом оперативники. Личность убитой была установлена. Девочка была дочерью местной жительницы из Овидиополя, из беднейшей многодетной семьи. Кроме нее, в семье было еще шесть детей разного возраста.

Отец семейства умер год назад – это был несчастный случай, его пьяного задавил трактор. Мамаша тоже любила выпить и путалась со всеми подряд.

В сопровождении оперативников и Игоря Барга Бершадов появился в доме женщины. Это была нищенская глинобитная хижина на окраине городка. Женщина, даже по виду все еще молодая и довольно привлекательная, страшно убивалась по ребенку. Перепуганные дети забились по углам. Несмотря на водопад слез и проявляемое горе, Бершадов оставался совершенно равнодушным.

– Тварь арестовать, детей увезти в детдом. Пусть их хотя бы накормят, – сквозь зубы распорядился он.

– Вы что, ничего и выяснять у нее не будете? – поразился Барг.

– А что тут выяснять? Ребенок по всему городку бегал без присмотра, пока она с очередным путалась, – пожал плечами Бершадов, – вот и попалась на глаза какому-то уроду...

Детей принялись заталкивать в автомобиль, поднялся неимоверный шум, гвалт...

– У вас нет сердца! – Барг, побледнев обернулся к Бершадову. – Вы совсем ее не жалеете?!

– А чего ее жалеть? – В глазах Григория блеснула сталь. – Жалеть надо тех, кто достоин жалости! А этой надо было вовремя дать лопату и мотыгу и отправить работать в колхоз! Размножаться без ответственности – так с удовольствием! А прокормить детей, дать им достойную жизнь?! Что, не смогла?! Двоих прокормила бы, вывела бы в люди, тогда и была бы достойна жалости и уважения! А тут размножилась без мозга, и теперь ее жалеть? Кого тут жалеть?

– Но доброта... – начал было Игорь.

– Доброта без мозга ничего не стоит! И не всякая доброта на самом деле добро. Тут ум нужен, чтобы отличить одно от другого. А такое размножение, просто так – это вообще сродни преступлению! За такое судить нужно, а не проявлять доброту!

Не выдержав, Барг выскочил наружу, на улицу. У него все время звучали в ушах крики несчастной женщины.

Теперь, глядя на баночку с театральным гримом, который нанесли на лицо убитой девочки, Игорь вновь вспомнил эту ужасающую сцену... Он готов был заплатить чем угодно, только чтобы это забыть...

Раздался звонок. Бершадов пошел открывать и вскоре вернулся в сопровождении молодого, но уже лысоватого мужчины в штатском.

– Вот, знакомся, – обернулся он к Баргу, – это оперативник, который будет заниматься поисками пропавшей девочки.

– Какой пропавшей девочки? – пролепетал Игорь, ничего не понимая.

– Из соседней квартиры пропала девочка. Родители подали заявление о розыске, – сказал мужчина.

– Из соседней квартиры! – повторил Бершадов. – Улавливаешь?

– Ужас какой... Что за девочка? – Барг передернул плечами – выглядело это так, словно он дернулся в нервном припадке.

– София Раевская, четыре года, – оперативник открыл блокнот, который до того момента все время держал в руках. – Ее кто-то забрал из детского садика. Мать пришла за ней, опоздала немного, а девочки уже не было. Ее кто-то увел.

– А как в садике могли отпустить ребенка неизвестно с кем? – не сдержавшись, в сердцах воскликнул Барг.

– Хороший вопрос, – хмыкнул Бершадов. – Воспитательница арестована?

– Да, ночью арестовали, – кивнул оперативник. – Но она почти ничего не вспомнила.

– Это невозможно, – Григорий вперил в опера тяжелый взгляд. – Должна была вспомнить.

Опер явно был наслышан о славе Бершадова, поэтому побледнел и заговорил быстро-быстро:

– Нет, кое-что она, конечно, рассказала. За девочкой пришли мужчина и женщина, и она радостно побежала к ним. Это было в то время, когда за детьми приходит больше всего родителей, там толпилось много людей... Воспитательница увидела, как девочка подбежала к

этой паре, и решила, что это ее родственники. Девочка их явно знала, поэтому воспитательница отпустила ее.

– Описать смогла? – нахмурился Бершадов.

– Нет, – опер покачал головой. – Как обычно: средних лет – от 35 до 45. Самые обыкновенные. Ну разве что на женщине было зимнее пальто из черного драпа с меховым воротником, а мужчина держал в руках небольшой бумажный сверток. Лиц совсем не запомнила. Все твердила: «Обыкновенные, обыкновенные»...

– «Обыкновенные»... – скривился Бершадов. – Правильно сделали, что ее арестовали.

И Барг, и опер предпочли промолчать.

– А что по семье? – Григорий снова повернулся к оперативнику.

– В смысле? – тот явно потерял ход мысли.

– Кто эти люди, родители Софии? – нервно произнес Бершадов. – Чем занимаются, что о них говорят соседи?

– Понял, понял! Очень приличная пара, – затараторил оперативник снова. – По слухам, довольно состоятельные. Раевский заведует овощной базой. Деляга еще тот. Года два назад его допрашивали по одному экономическому делу, но не нашли ничего страшного. Отпустили. Мать работает бухгалтером на обувной фабрике. Пользуется очень большим уважением в коллективе. Все говорят, что у нее очень хороший характер. Софийка их единственная дочь. Ребенок долгожданный и поздний. Раевской 34 года, и она пыталась забеременеть почти 10 лет. Поэтому оба родителя в ней души не чаяли. Но...

– Что – но? – встрепнулся Бершадов.

– В последнее время супруги очень сильно ссорились. По словам соседей, скандалы были почти каждый день, и довольно серьезные. Не стеснялись ребенка.

– Причина? – нахмурился Григорий.

– Подруга Раевской, которая вместе с ней в бухгалтерии на фабрике работает, сказала, что та жаловалась, что муж стал сильно гулять. У него всегда были деньги. Почти каждый вечер рестораны, пьяные компании. Приезжал в три часа ночи пьяный, весь в женских духах. А в последнее время Раевская говорила подруге, что подозревает, что у него появилась постоянная любовница, намного моложе ее, и он даже собирается уйти из семьи.

– Это правда? Выяснили?

– Выясняем. Он очень сильно шифруется. Нужно время на проверку. По словам тех, кто знал супругов Раевских, отец вряд ли бы ушел из семьи, он очень любил Софийку, девочка была для него всем. Так что ребенок его очень сильно удерживал. Скандалы, конечно, были, но вряд ли он действительно собирался бросить жену.

– Значит, любил ребенка... – задумчиво нахмурился Бершадов. – Версия, что он мог ее похитить, проверяется? – обратился он к оперативнику.

– Это невозможно, – замотал тот головой убежденно. – Вчера на овощебазе была комиссия, областное начальство, и он был с ними с утра до вечера. Вернулся домой позже обычного и, на удивление, трезвым. Жена даже удивилась.

– Кто сообщил об исчезновении девочки и обратился в милицию? – спросил Бершадов.

– Оба. Они оба явились в отделение милиции, ближайшее к дому. Раевская была в полумоморочном состоянии, а ему прямо в отделении стало плохо с сердцем, и он не притворился.

– А что насчет банки с гримом?

– Мать совершенно случайно нашла ее в детской – в комнате дочери. Девочка спрятала ее под матрас. Раевская без сил упала на кровать и обнаружила тогда что-то твердое, вытащила банку.

– Гримом уже пользовались, – задумчиво произнес Бершадов, – это видно по содержанию. Отпечатки пальцев сняли?

– Никаких отпечатков обнаружено не было.

– А следы грима в комнате?
– Ничего не нашли, – вздохнул опер.
– Хорошо. Держите меня в курсе. Вы, надеюсь, понимаете, насколько это серьезно? – нахмурился Григорий.
– Да, конечно... Не сомневайтесь.
Отпустив оперативника, Бершадов пошел закрывать за ним дверь. Когда вернулся, сразу посмотрел на Игоря Барга:
– Ты хоть понимаешь, что все это напрямую связано с нашим делом?

16 марта 1941 года

Пес пригнулся к земле так, словно собирался напасть, и так резко натянул поводок, что его хозяин едва не споткнулся, а остановившись, потер сразу занывшую спину.

– Ты что, взбесился, Полкан?! – глуховато прикрикнул он на пса, но тот даже не повернул головы.

Напружинив лапы, пес сжался, припав к земле. Уши его стояли торчком. Поза была настолько странная, что было совершенно непонятно: то ли он действительно хочет напасть, то ли принюхивается к чему-то.

Но ни нападать, ни принюхиваться тут было не на кого и не к чему. Это был самый обычный двор жилого дома, в котором пес гулял тысячу раз. Ничего необычного не попадалось на всем протяжении пути, который он прошел вместе со своим хозяином от дверей парадной. Все так же, как и всегда.

Именно поэтому настолько непонятным выглядело поведение собаки. Хозяин больше не стал ее ругать, а наоборот, остановившись, принялся с удивлением наблюдать.

Между тем, пес словно застыл в своей странной позе. А затем вдруг резко поднял морду и завыл. В этом утробном вое было что-то настолько страшное, что хозяин, вздрогнув, выпустил поводок из рук:

– Полкан, что случилось? Что с тобой?

Воспользовавшись неожиданной свободой, пес вдруг сделал резкий рывок и бросился вперед. А затем прыгнул в раскрытое окно подвала.

Хозяин, пожилой человек, не мог так быстро бежать. Однако тревога за любимца придавала ему скорости.

– Полкан, что ты делаешь! Куда... – крикнув, он двинулся к двери подъезда, намереваясь оттуда попасть в подвал.

Вниз вела узкая лесенка. Держась за сердце, выпрыгивающее из груди, мужчина стал осторожно спускаться. Здесь было темно, и он очень боялся упасть.

Но ему повезло. Еще несколько ступенек вниз, и перед ним выросла металлическая дверь подвала. Она была приоткрыта...

Сквозь разбитые окна струился дневной свет, поэтому в подвале можно было двигаться без опасений. Внутри было сыро и холодно. Во всю стену, противоположную той, где были окна, шли трубы, из некоторых сочилась влага. На земле валялся в жидкой грязи строительный мусор...

Пес, застыв, сидел под самым дальним окном, и хозяин сразу увидел его. На полу перед ним лежало что-то белое.

– Полкаша, что же ты... – начал срывающимся голосом, чуть не плача от радости, что нашел его, хозяин. Он двинулся к окну и хотел было ухватить собаку за поводок, как вдруг и сам застыл.

Белое оказалось белой тканью. Не веря своим глазам, мужчина подошел ближе. И вдруг, пошатнувшись, закрыл рот руками. На земле лежал ребенок. Это была маленькая девочка, лет пяти, в белом платье. С первого же взгляда было понятно, что она мертва. Ее застывшее

личико было вымазано белой краской. В кулаке правой руки она что-то сжимала. Зрелище было ужасающим. Повернув голову к хозяину, пес протяжно завыл...

Бершадов приехал в подвал часа через три, когда там вовсю орудовала оперативно-следственная группа. Едва он показался в дверях – в этот раз он был один, без Игоря Барга, – как к нему сразу же заспешил тот самый оперативник, с которым он беседовал в квартире.

– София Раевская? – сразу спросил Григорий.

– Да, это она, – кивнул опер. – Полностью совпадает с описанием пропавшего ребенка. Мертва около двух суток. На теле заметны следы разложения.

– Значит, ее убили сразу, как только увели из садика, – задумчиво произнес Бершадов вполголоса. – Причина смерти?

– Яд. По всей видимости, его дали с конфетами. В правом кулачке ребенка зажата надкусанная карамель. И на полу валяются обертки от конфет, три штуки. Если все эти конфеты были начинены ядом, то дозы хватило бы на взрослого человека, не то что на маленького ребенка.

– Как ее нашли? – Лицо Григория было мрачным.

– Житель соседнего дома прогуливался во дворе с собакой. Вдруг собака рванулась и прыгнула в разбитое окно подвала. Видите, здесь нет стекол. Дверь в подвал была открыта. Он вошел и увидел труп. Вызвал милицию.

– Что с платьем?

– Будем выяснять. Но одевали ее явно в спешке. Один рукав порван.

– С нее должны были снять ее вещи. В подвале что-то нашли?

– Нет, ничего. Все обыскали, ничего нет.

– Это совсем близко от дома, где живут Раевские, – снова задумчиво сказал Бершадов.

– Да, я тоже это отметил, – подхватил опер. – Значит, ее забрали из садика и сразу отвели в подвал?

– Ничего подобного! – запротестовал Бершадов. – Сначала ее отвели туда, где накормили конфетами. Потом, когда она умерла, переодели труп и отнесли уже сюда, в подвал. И, видимо, там, где девочку переодевали, остались ее вещи, – рассуждал он вслух. – Одно несомненно: человек, который принес сюда труп, хорошо знает это место. Он знал, что здесь есть подвал и что он не запирается. Судя по всему, это местный житель. Нужно опросить всех, – обернулся он к оперу. – Узнать, не живет ли здесь кто-то, кто был судим за подобные преступления, даже за изнасилования. Как я понимаю, здесь насилия не было?

– Нет. Никаких следов спермы не обнаружено.

– Ну, это еще не значит, что преступление произошло не на почве половых извращений. В общем, работы вам хватит. – Бершадов двинулся к выходу.

– Да, конечно, – оперативник замялся, переступая с ноги на ногу. – А можно один вопрос?

– Можно, – остановившись, милостиво разрешил Бершадов.

– А почему эти уголовные преступления... Пусть даже очень страшные преступления... так интересуют спецслужбы?

– Лучше тебе не знать этого, – улыбнулся Бершадов, с лица которого постепенно исчезло выражение мрачности. – Есть вещи, которых действительно лучше не знать...

17 марта 1941 года

Буря так и не разразилась. Только волны, поднявшиеся ближе к берегу, оставались единственным свидетельством того, что собирался шторм, да еще черные тучи, медленно уходящие за горизонт, в самую глубину моря.

Ветер сначала гнал их к берегу, и старожилы – рыбаки, жившие на самом берегу, – поспешили покрепче привязать свои лодки, думая, что будет шторм. Волны с яростью пожирали песок, с грохотом нападая на песчаный пляж, когда бушевал ветер.

Однако ярость моря длилась недолго. Очень скоро ветер утих, волны постепенно сменили ярость на нежную ласку, черные тучи повернули назад, и воздух посветлел, стал словно прозрачным, исполненным какой-то хрустальной звонкости. Гроза прошла стороной, и рыбаки вздохнули с облегчением. Любая погода была лучше бешеного, свирепого шторма, с которым никогда нельзя было совладать, сила и ярость которого приводила к потерям и разрушениям.

К вечеру полностью распогодилось, и двое местных мальчишек, живущих в домах на склонах, рядом с домами бывшего монастыря, спустились на пляж, к морю.

Когда-то на высоком мысе Большой Фонтан возвышался монастырь, построенный в честь Божьей Матери. До сих пор со стороны моря и с берега отчетливо были видны его величественные корпуса и каменная церковь. Но в 1922 году, как только власть большевиков окончательно укрепилась в городе, монастырь закрыли. С тех пор местные жители предпочитали обходить закрытый монастырь стороной.

Для живущих здесь, особенно пожилых людей, монастырь этот по-прежнему был священным, и они не понимали, как его можно было закрыть. Некоторые даже говорили, что такое надругательство приведет большевиков к беде. Впрочем, говорили это всегда тихо, шепотом, чтобы не дошли эти разговоры до вездесущих ушей, которых всегда хватало поблизости и которыми так профессионально занимались сотрудники НКВД.

Мальчишки весело носились по берегу, не обращая внимания на стены монастыря, нависавшие над песчаным пляжем. Один из них вырвался вперед, гоня по песку длинной палкой какую-то перламутровую ракушку. Второй из всех сил старался поспеть за ним.

Игра была в самом разгаре, как вдруг первый мальчишка резко остановился.

– Эй, иди сюда! – обернувшись, резко замахал он руками приятелю. – Смотри, что нашел!

Тот не заставил себя ждать и со всех ног бросился вперед, заинтересованный непривычными нотками в голосе друга. Подбежав, увидел, что прямо перед ними, присыпанная песком, белеет какая-то ткань.

– Что это? – пацан был настроен решительно. – Давай посмотрим!

С этими словами он начал тыкать ткань палкой, стараясь ее перевернуть. То, что открылось потом, выглядело настолько ужасно, что мальчишки, дико закричав, отпрянули. На песке лежало мертвое тело... Маленькое мертвое тело...

Оно уже всё почернело и распухло – видимо, долго находилось в воде. Единственное, что говорило о том, что это была девочка или совсем молоденькая девушка, были длинные черные волосы, которые окружали голову страшным ореолом...

– Утопла... – Первый мальчишка взял себя в руки быстрее, чем его товарищ, – утопленица... За бурю. Ну все, будет теперь к нам по ночам ходить.

– Да иди ты! – Второй пацан всё не мог перестать дрожать. – Давай ее в море обратно столкнем?

– Нельзя, – первый был взрослый не по годам, – надо мужикам сказать. Мало ли что будет. Бежим отсюда...

Глава 5

Зина Крестовская провела по волосам щеткой, повернула голову так, чтобы локоны освещал солнечный закатный свет, и старательно улыбнулась. Несмотря на то, что это было не очень естественно, получилось даже неплохо. С серыми мышиными космами было покончено. Теперь в светлых прядях пышных волос роскошно золотилось солнце, даже в самом конце дня.

Волосы были в порядке. Зина провела по губам яркой розовой помадой. Она тут же показала ей пошлой. Зина поморщилась, но вытирать не стала. Пошлая? Ну и ладно! Крестовской было на это плевать. В этот день, вернее, вечер Зине хотелось быть легкомысленной, веселой, даже пошлой... Какой угодно – дурочкой, хохотушкой, кокеткой, но только не женщиной с пистолетом у пояса. Не сотрудницей НКВД.

В этот вечер у нее было свидание – впервые за столько месяцев. И она хотела насладиться этим сполна.

После завершения дела о Змее Сварога – Зина называла про себя это «Делом о змеях» – на нее просто обрушилась новая жизнь. И с такой силой, что у Крестовской просто перехватило дух. И на фоне всех этих событий Зина почти сумела пережить мучительный уход Виктора Барга. А ведь в самом начале, даже несмотря на дружеское участие Бершадова, она думала, что будет мучительно страдать по ночам.

Но новая жизнь была такой, что на страдания просто не оставалось времени. Да Зина и не хотела их.

Сразу после завершения «Дела о змеях» Крестовская стала уже официальным сотрудником НКВД. Бершадов вызвал ее в управление, где в отделе кадров она подписала все необходимые документы, потом получила новую форму. Синяя, с иголки, она очень шла Зине. Но носить ее было почему-то стыдно. Крестовская испытывала какие-то странные чувства, глядя на нашивки формы. Они вызывали у нее несколько двойственные ощущения: с одной стороны, эта форма была ее гордостью, с другой – словно ее жгла. И Зина пока никак не могла решить, что пере- весит.

А потому, несмотря на то что в этой форме она выглядела настоящей красоткой, Крестовская решила надевать ее только по большим праздникам – когда будет официальная необходимость. К счастью, ходить на работу можно было и в гражданском, и для Зины это был очень большой плюс.

Ей выделили кабинет на самом последнем этаже управления. Это привело ее в полный восторг, несмотря на то что кабинетом это помещение сложно было назвать.

Маленькая, узкая клетушка, почти два на два, под самой крышей, с узеньким, словно выдавленным в потолке окном. В это окно, забранное густой решеткой, как и все окна в главном административном здании НКВД, был виден только крошечный кусочек неба и ничего больше. Даже деревьев не было видно – этаж ведь был самым высоким.

Воздуха и света окошко не давало никакого, поэтому в клетушке должен был все время гореть электрический свет. Но Зина и тому была рада. Смотреть на небо оказалось очень даже не скучно – небо постоянно было в движении, и оно все время менялось. А потому в эту клетушку заглядывала то ослепительно-ясная лазурь, то напознали свинцово-пасмурные облака...

Небо было свободой Зины. И, оторвавшись от работы, глядя на тучи – белые, пушистые или мрачные, серые, словно заполненные слезами, – она испытывала странную смесь спокойствия и умиротворения, особенно странную и необычную здесь, в этих стенах.

В самом же кабинете стоял большой, почти во всю стену, письменный стол, словно состоящий из двух частей – одна часть была отведена под письменные бумаги и папки с документами, другая – занята печатной машинкой. Напротив стола размещался шкаф для папок, тоже почти во всю стену. Две лампы – одна под потолком, другая – на письменном столе – довершали обстановку. Еще, конечно, два стула – один за столом, другой – напротив. Вот, собственно, и все.

Но этот кабинет, эта узкая клетушечка показалась Зине царскими палатами в самый первый момент, как только она сюда вошла. Ведь это был ЕЕ ЛИЧНЫЙ КАБИНЕТ! Для нее одной! Это словно придавало ей определенный статус. Словно все то, чем она занималась раньше по собственному почину, превратилось в настоящее серьезное дело. И Зина как будто выросла в своих собственных глазах.

Едва она вселилась в кабинет, как на нее буквально обрушились папки с делами – почти так же, как когда-то, когда она раньше в морге писала все официальные бумажки. Работа ее заключалась в следующем. Она внимательно просматривала дела, которые либо были закрыты, либо числились вечными «висяками», писала по каждому свои заключения и соображения и тщательно выбирала те дела, в которых было что-то мистическое, необъяснимое – например, как в деле с оборотнем лугару.

Этими делами она заполняла свой шкаф, создавая нечто вроде секретного архива. Остальные, неинтересные, как называла их про себя, Зина возвращала Бершадову.

Так же время от времени она делала вскрытия в морге – в основном по ночам, вдвоем с Кобылянским, с которым продолжала сохранять теплые, дружеские отношения. Реже присутствовала на допросах в кабинете Бершадова или других следователей. Иногда это были допросы с применением методов физического воздействия, пыток, проще говоря. После чего старательно приходила в себя. Присутствие на допросах зависело от заданий, которые ей давал Бершадов. Он был ее непосредственным начальником.

Несмотря на то что официально Крестовская числилась сотрудником медицинской службы, все в управлении знали, что она относится к секретному отделу Бершадова и непосредственно подчиняется только ему.

Для выполнения своей работы Зине пришлось научиться печатать на машинке. Она даже взяла несколько уроков у одной из штатных машинисток управления. Сначала было тяжело, даже болели пальцы. Но очень скоро Зина разобралась что к чему и стала стучать на машинке с приличной скоростью. Это очень помогало ей в работе, так как приходилось печатать очень

много – начиная от протоколов вскрытия и медицинских документов с анализами, историями болезней и диагнозами, по которым она давала заключения, и заканчивая другими следственными бумагами, заключения по которым приходилось делать во многих делах.

В первую же неделю работы Зина перезнакомилась почти со всеми сотрудниками управления. Еженедельно по понедельникам в кабинете Бершадова – огромном, торжественном, просторном, с мебелью из красного дерева, с кожаными диванами и портретами вождей в золоченных рамах – Ленина, Сталина и, чуть ниже, Дзержинского – происходили совещания, на которых раздавались поручения и задания сотрудникам, обсуждались дела.

Помимо таких больших, официальных совещаний, были и малые, когда в кабинет вызывались несколько сотрудников. Это происходило почти ежедневно.

Допросы в парадном, начальственном, кабинете Бершадова не проводились. Допрашивали либо в кабинетах других следователей, с мебелью попроще, либо – если планировалось физическое воздействие – в подвалах, где были камеры и где содержались заключенные.

К счастью, в подвалы, в страшные подвалы НКВД, ужас которых Зина теперь смогла полностью оценить, ей пришлось спускаться всего дважды. И обязательным для нее стало вступление в партию – без этого в НКВД не работали. Ей пришлось изучить достаточно много материала по марксизму-ленинизму и даже сдавать экзамен, но для нее Бершадов устроил все по упрощенной и более быстрой процедуре. И очень скоро Крестовская получила новенький, хрустящий, пахнувший типографской краской билет члена партии большевиков.

Но самое настоящее знакомство со всеми сотрудниками произошло в столовой, где Зина ежедневно обедала. Там в обеденный перерыв собирались почти все.

К удивлению Крестовской, в управлении работало достаточно много женщин. Мужчины занимались в основном оперативно-следственной работой, а женщины – дознавательной и административной. Но, верная своим убеждениям никогда и нигде больше не заводить друзей, Зина ни с кем не сошлась близко. Единственный человек, с которым она общалась более-менее дружески, был Григорий Бершадов.

Они по-прежнему были на «ты», но Зина очень старалась не обращаться так к нему при остальных сотрудниках.

В секретном отделе Бершадова работали в основном мужчины. Женщин было очень мало, всего три, включая ее саму, и Зина лишний раз убедилась, что Бершадов не особенно доверяет женщинам. Встретили они ее очень настороженно.

Первой было лет пятьдесят, она казалась опытной, закаленной в боях, железобетонной большевичкой, почти всегда ходила в форме. Второй была изумительная красotka лет 25-ти – длинноногая блондинка с пышными формами и кукольным личиком, от которого не могли отвести глаз все мужчины. Когда Крестовская впервые ее увидела, то просто поразились: что делает в НКВД такая красота? Ей бы пойти в артистки и сниматься в кино! Однако она предпочла такой суровый, жестокий мир мужчин.

Красotka-блондинка кокетничала со всеми в отделе и была заметно влюблена в Бершадова. Однако после тщательного изучения его реакции на девицу Зина пришла к выводу, что между ними ничего нет. Бершадов явно был не из тех, кого легко соблазнить пышными формами и смазливенькой мор- дочкой.

Крестовская часто вспоминала тот единственный момент откровенности Бершадова, когда он однажды рассказал ей, что был влюблен в женщину, на которой чуть не женился, а потом стал причиной ее смерти.

И Зина понимала, что та женщина наверняка была какой-то необыкновенной, если стала причиной серьезной сердечной раны для такого человека, как Бершадов.

Но несмотря на все эти перипетии, за которыми Крестовская весьма тщательно наблюдала, красotka отнеслась к ней более доброжелательно, чем железобетонная большевичка, и часто в столовой подсаживалась к Зине поболтать.

Но самые дружеские отношения, конечно, сложились у нее с Бершадовым. Очень часто в конце рабочего дня он заходил к ней в кабинет, и они разговаривали обо всем, как старые друзья. А еще изредка Бершадов на своей служебной машине подвозил Зину домой.

Он перестал относиться к ней с жестокостью и разговаривал без своего обычного ехидства. В первые дни это сильно ее настораживало, она постоянно ждала от него подвоха. Но потом постепенно привыкла и начала понимать, что понемногу, по крохам, сумела завоевать его доверие. И что это доверие очень важно не потерять.

Настоящим знакомством с сотрудниками стала встреча Нового, 1941 года, когда для управления было устроено пышное празднование.

Многие пришли с семьями. Был замечательный концерт. Зину даже уговорили поучаствовать в пирамиде – обязательном спортивном номере, который был на каждом концерте. И она получила просто невероятные впечатления!

В актовом зале были накрыты столики. Зина сидела вместе с Бершадовым и еще с несколькими сотрудниками. И с огромным удивлением увидела, что и Григорий умеет веселиться, пить шампанское и вести себя так же, как и все остальные люди! Более счастливого Нового года в жизни Крестовской еще не было!

Это был самый великолепный праздник за последние годы! Было весело, все пели, танцевали, улыбались друг другу. Шампанское лилось рекой. Зал был украшен разноцветными ватными шариками и ярким серпантином. Раскрасневшаяся от шампанского и от армянского коньяка, который, благодаря Бершадову, появился на их столике, Зина танцевала и пела вместе со всеми и никогда еще не чувствовала себя такой счастливой! Ощущение было просто восхитительно-пьянящим – словно у нее появилась семья.

За всю новогоднюю ночь Зина – о чудо! – ни разу не вспомнила о Викторе Барге, и даже мысленно не произнесла его имя. И это было замечательно!

Бершадов привез ее домой около пяти утра на своей служебной машине. И, распрощавшись у подъезда, тут же вручил ей большой бумажный пакет.

Дома она его раскрыла. На стол высыпались яркие большие ослепительно-оранжевые мандарины. Также в пакете оказались шоколадные конфеты, пачка ароматного бразильского кофе и палка копченой колбасы. Так Бершадов поздравлял ее с Новым годом. Зина даже прослезилась от радости.

А уже ложась спать, все время думала о том, что год, который начался таким чудесным, просто замечательным образом, будет для нее самым счастливым...

Преимущества работы в НКВД, официальной работы, когда соседи увидели ее в форме, Зина ощутила почти сразу.

Во-первых, ее стали бояться. Соседи, которые прежде хамили, лезли на рожон, теперь избегали ее десятой дорогой. Не важно, что обратной стороной этой медали было то, что с ней перестали и разговаривать – Зина воспринимала это тоже как преимущество.

Во-вторых, был спецпак. В конце каждой недели сотрудники НКВД получали пак, куда входили самые дефицитные, редкие продукты. Сгущенное молоко, вкуснейшая колбаса и настоящее сливочное масло дорогого стоили! Эти продукты ни за что нельзя было купить в советских магазинах. А когда в спецпайке появились шпроты, Зина просто не поверила своим глазам!

Третьим преимуществом стала сама работа. Зине на самом деле было ужасно интересно то, что она делала. Она буквально с головой погружалась в проходящие перед ней дела как в особую книгу жизни. Ее не смущала даже ужасающая жестокость, которой были наполнены все эти криминальные истории. И чем ужасней, загадочней и запутанней было дело, тем ей казалось оно интересней.

Работа увлекала ее, захватывала с головой, и это было самым ценным, что Крестовская приобрела в жизни. К тому же это отвлекало от всех дурных мыслей, хотя и не избавляло от них полностью.

Дурные мысли начинали лезть по ночам, и случалось это сразу после встречи Нового года. Буквально через две ночи после веселого и счастливого праздника Зине вдруг приснилось, что в постели она не одна. И тогда губами, руками, теплым телом, всем своим измученным сердцем она потянулась к этому фантому, который вдруг заполнил собой весь окружающий ее мир. Резко, сразу проснувшись от того, что рядом был только воздух, Крестовская даже заплакала от самого страшного в мире ощущения – ощущения невозможности счастливых моментов. О том, как могло бы быть и как не будет уже никогда...

Откровение о том, какую жестокую правду принес этот сон, обрушилось на нее со всей силой. И Зина плакала, кривя душой перед самой собой, обманывая себя так, как привыкла обманывать все эти месяцы.

Она лгала себе, что плачет от одиночества, от того, что у нее нет семьи и на всем белом свете нет ни одного близкого человека. Но это было неправдой: Зина плакала по Виктору Баргу. И только по нему одному.

Он пророс не только в ее душу, но и в тело, рос, существовал в движениях ее тела, в бесплодных и напрасных объятиях ее рук... Он был ее отравленным воздухом, который по ночам закрывал легкие плотной подушкой удушья. И он – она это понимала – был тем микро-организмом, который будет существовать внутри ее тела всегда...

Проснувшись ранним утром, разбитая этим страшным сном, в который раз разбередившим всю ее душу, Зина принялась анализировать.

Какие эмоции испытываешь к человеку, которого никогда в жизни больше не встретишь? К человеку, который никогда больше не позвонит в твою дверь, не напишет тебе письмо, не окликнет по имени? К тому, чье имя ты больше не осмелишься произнести?

Думая о Викторе, Крестовская постоянно задавала себе эти вопросы. Конечно, такие мысли приходили к ней и раньше, но она отбрасывала их из-за недостатка времени. И вот этот сон наконец-то заставил задуматься об этом всерьез.

Если бы ее спросили, любила ли она Виктора Барга, Зина с возмущением ответила бы: конечно нет! Думая о нем, она испытывала только злость и ненависть. Черная обида и возмущение душили ее. В душе она часто бросала ему оскорбительные, ранящие слова. Но... Почему она вообще думала о нем?

Пусть с ненавистью, возмущением, обидой, злобой... Думала... И этот сон показал, что эти мысли никуда не ушли. Всё получалось слишком печально. Необходимо было срочно отвлечься. Поэтому Зина пошла к Бершадову и сказала, что хочет научиться стрелять. И быстро.

Как сотруднику медицинской службы Крестовской не надо было сдавать нормативы по стрельбе. Но она уже пользовалась оружием. И даже стреляла в людей. И прекрасно понимала, исходя из прошлого, что, научившись, стрелять ей придется еще не один раз.

Бершадов отправил ее на подготовку по стрельбе. Инструктором был совсем молодой паренек. Он пренебрежительно посмотрел на Зину:

– Вам, конечно, еще не доводилось стрелять... Вот, посмотрите сначала...

– Стреляла... – перебила она его, сжимая в руке маленький пистолет вальтер, думая о том, что именно такое оружие выпросит у Бершадова. Пусть будет.

Когда Крестовская сняла пистолет с предохранителя, у паренька округлились глаза. А когда из пяти выстрелов она попала в центр мишени, почти в яблочко, три раза, то за спиной даже услышала аплодисменты...

Аплодировал сотрудник, которого Зина уже видела в общей столовой. Несколько раз в форме и однажды – в штатском. Высокий блондин с коренастой фигурой, какой-то простова-

тый на вид. Но Зина уже по опыту знала, что простоватых сотрудников НКВД не существует – это просто маскировка. А значит, под простой, располагающей к себе внешностью скрывается весьма опасный тип.

После занятий он подошел к ней:

– Разрешите представиться: Валентин Корниенко. Межведомственная охрана. Мы с вами уже виделись в столовой.

– Верно, – Зина, улыбнувшись, кивнула, – Зинаида Крестовская, 1-е управление НКВД.

– О, как все серьезно... Вижу, вам уже приходилось стрелять?

– Приходилось, – она убрала улыбку с лица.

– Я не буду вас спрашивать об этом, – мгновенно отреагировал ее новый знакомый, в котором Зина недаром сразу угадала проницательность. – Разрешите вас проводить?

Она разрешила. С тех пор они стали общаться. Несколько раз Валентин даже заходил к ней в кабинет. Ее новый знакомый был вдовцом – жена умерла от испанки с осложнениями. Ему было 42 года. Родом он был из Беляевки, но уже давно служил в Одессе.

И где-то через две недели он пригласил ее на самое настоящее свидание, и не просто так, а в Оперный театр!

Отказаться от такого приглашения было невозможно, даже несмотря на то что особого восторга от Валентина Зина не испытывала. Но... свидание! Впервые за все время!

Крестовская еще раз провела щеткой по волосам. Они лежали отлично. Еще раз подкрасила губы розовой помадой – да ладно, к голубому вечернему платью сойдет! Надела модные туфли, подхватила расшитую бисером вечернюю сумочку... И, сняв с вешалки шубку, так как март был холодный, напевая, вышла из дома в приподнятом настроении...

Глава 6

Голубой шифон трепетал на ветру, и Зина с наслаждением ощущала, как легкая ткань обвеивает ее ноги. Такое наслаждение – чувствовать себя женщиной, идти на свидание в красивом вечернем платье... Она ведь уже забыла, когда такие платья надевала...

Несмотря на теплую зиму, для легкого шифона все же было холодно, однако Зину это не останавливало. Прикрыв плечи шубкой, она буквально бежала по улицам к месту встречи.

Не само свидание приводило ее в восторг – Крестовская слишком мало знала своего кавалера, чтобы испытывать какой-то подъем чувств. Нет, ее радовали связанные с самим свиданием ожидания. Зина чувствовала себя счастливой, и ей хотелось наслаждаться этим ощущением легкости как можно дольше.

Если уж быть во всем честной перед собой, то этот Валентин Корниенко был довольно посредственным типом, да и внешне, откровенно говоря, не очень... Но для Зины это было не важно. Ей просто хотелось, чтобы кто-то пригласил ее на свидание, хотелось чувствовать себя живой. Она бы к кому угодно побежала на встречу в вечернем платье, хоть к дереву! Зина упивалась самими эмоциями, этими забытыми ощущениями, и хотела как можно дольше насладиться тем, что чувствует себя такой счастливой и свободной.

Платье, кстати, было совсем новым. Зине удалось сэкономить, и она заказала его у дорогой и модной портнихи как раз для встречи Нового года. Так как праздник прошел очень хорошо, Крестовская посчитала это платье счастливым. Как и большинство женщин, в отношении одежды Зина была суеверна – она знала, что есть счастливые вещи, и – стоит их надеть – повезет во всем, а есть вещи, которые приносят несчастье.

Новое вечернее платье стало счастливым. И теперь Зина надела его во второй раз.

Уже когда Крестовская подходила к месту встречи – а встретиться с Валентином она должна была на Дерибасовской, – ее посетила одна беглая, но довольно необычайная мысль: а почему Валентин пригласил ее в Оперный театр? Этот человек совсем не походил на светского театрала, его сложно было даже принять за культурного человека. И вдруг – театр. Это казалось Зине странным. Но, подбегая к месту свидания, она выбросила все дурные мысли из

головы и уже издали увидела его коренастую фигуру. И... не поверила своим глазам! Он был в форме! В синей форме офицера НКВД!

Крестовская замедлила шаг, испытывая нечто вроде раздражения. Нельзя сказать, что она совсем уж не любила эту форму, которую теперь вынуждена была носить хоть изредка. Но все-таки подобная столь сомнительная форма, от которой шарахались кучи людей, совсем не вязалась с Оперным театром. Было ясно, что ее кавалер ничего не смыслил в том, как одеться в театр, ну потому и предпочел явиться в том, в чем ходил на службу. Зина остановилась.

В сознании ее тут же промелькнула черная нота ностальгии, словно длинная траурная лента – о том, каким красивым и элегантным был Виктор Барг на их свидании в Оперном театре. Но она тут же отбросила это воспоминание. Не хватало еще испортить себе настроение!

– Добрый вечер! Ух ты какая... – добродушно хохотнул Валентин. – Прямо как настоящая барынька. Никогда бы не подумал, что ты умеешь носить такое...

– Такое? – Настроение Зины стало стремительно портиться, и она уже не пыталась этому сопротивляться. – Какое?

– Старорежимное! – выпалил Корниенко, и Зина просто не нашлась, что ответить, потому как просто растерялась – это он так о вечернем платье, сшитом портнихой, которая одевает жен и дочерей одесской партийной номенклатуры?!

Стараясь не заикливаться на неприятном, Крестовская пошла по направлению к Оперному театру, пытаясь, сбиваясь, приноровиться к размашистому шагу ее спутника. Это было непросто, так как Зина была на каблуках, а спутник ее совершенно не обращал на это внимания. Зато болтал он без умолку:

– Эх, зря я это согласился! Вот махнуть бы на рыбалку, накопать червячков... – выпалил, когда они уже подходили ко входу. Со всех сторон к театру стекалась нарядная публика, которая, похоже, могла это услышать.

– На рыбалку?.. – машинально переспросила Крестовская, глядя с восторгом на роскошную архитектуру величественного театра. Похоже, он говорил на другом языке.

– Смотри, тут сплошные кривляки! – продолжал Валентин. – Во выделяются! Шо это на них? – хохотнул, когда они уже вошли внутрь, и Зина сдала в гардероб шубку.

– Вечерняя одежда, наверное, – вздохнула она.

– Я ж говорю: пустые кривляки. Развели контрреволюцию! Эх, сели бы сейчас с тобой у реки, выпили бы по сотке самогончика... Эх... – громко сокрушался кавалер. – Страсть как рыбалку люблю. Тут тебе ширь природы, а не такое...

– Я не пью самогон, – машинально отозвалась Зина.

– Как не пьешь? – удивился Валентин. – Ты шо, шутишь?

– Не шучу. Не пила самогон никогда в жизни и уже не собираюсь.

– А шо же ты пьешь?

– Коньяк. Но больше коньяка люблю шампанское, – усмехнулась Крестовская.

– Иди ты! Выходит, ты у нас из этих... Из тех, кого не всех в семнадцатом году постреляли! – хохотнул Валентин, подчеркивая, что это юмор.

Зина вздохнула: было понятно, что со свиданием покончено, и теперь просто надо отбыть отвратительную повинность – высидеть с *этим* в театре. Впрочем, когда они уже заняли свои места в партере, она все-таки не удержалась:

– А как же ты меня в Оперный театр пригласил, если рыбалку с самогоном любишь?

– Так это не я, – чистосердечно признался ее спутник, – это Бершадов.

– Кто? – Зина задохнулась от удивления. Этот ответ застал ее врасплох.

– Так Бершадов мне два билета в Оперный дал, и еще так, посмеиваясь, говорит: своди, мол, Крестовскую в театр. А то скучает у нас она. Я же знаю, шо вы шуры-муры на стрельбе разводите. А я шо... Я ж с удовольствием. Только вот не знал, какое оно все тут... Страшное...

У Зины просто не нашлось слов, и она, не сдержавшись, просто тихо выругалась сквозь зубы! Теперь все было понятно: свидание оказалось очередным издевательством Бершадова. Это он послал ей этого тупого солдафона... Рыбалка с самогоном!

Зина вцепилась в подлокотники бархатного кресла, чувствуя непреодолимое желание так же вцепиться в рожу Бершадова.

В антракте ее спутник с заметным облегчением вскочил:

– Ну шо, пойдем в буфет? Может, там есть чего приличного выпить!

Не в силах сопротивляться, Зина пошла следом за ним. Выпить ей было просто необходимо – весь первый акт она просидела как на иголках.

В буфете уже была толпа. Ее спутник встал в очередь, а Зина заняла место за столиком на длинной ножке, нервно теребя сумочку. В этот вечер в театре было много иностранцев, и Крестовская уныло рассматривала наряды заграничных женщин, сравнивая их со своим.

Постепенно в буфете становилось тесно. Очередь двигалась медленно. Зина все вертелась и глядела по сторонам.

Дальше все произошло так быстро и неожиданно, что в первые минуты она просто ничего не поняла. Легкая рука скользнула по ее плечу. С удивлением обернувшись, Крестовская увидела пожилую даму в белых кружевах.

– Добрый вечер, моя дорогая! – Дама улыбалась, жемчужное ожерелье на ее шее отражало свет электрических ламп. – Как я рада вас видеть!

Это была Жаннет Барг, французская бабушка Виктора. Спустя мгновение Зина ее узнала. Но не это было самым страшным. Не от вида Жаннет Зина замерла, словно ее подстрелили. Под руку с бабушкой стоял... Виктор.

Он не спускал с нее глаз, лицо его было бледным, словно кусок первосортного сахара. Белоснежным... Как никогда...

Краем сознания, которое все-таки присутствовало в этой страшной сцене, Зина отмечала приземленные житейские мелочи: Виктор похудел и сильно постарел. В длинных волосах проявилась отчетливая седина, а морщины на лице стали более заметными. Кожа обтягивала его скулы, придавая лицу какое-то хищное выражение, и оно выглядело еще более страдальческим. Такое же страдальческое выражение застыло и в глубине бездонных глаз.

Он был элегантен и красив, как всегда, – в дорогом вечернем костюме с бабочкой. Что же касается Жаннет, то на нее оглядывались абсолютно все. Ничего не могло сравниться с ее нарядом из белых кружев и с ее элегантной шляпкой. Роскошь ее удивительного для советской страны наряда подчеркивали изящная белая сумочка, вышитая бисером, и нитяные перчатки.

– Добрый вечер! – растерянно отозвалась Зина.

– Как я рада вас видеть! Я часто спрашивала Виктора: отчего вы больше к нам не заходите? – восторженно улыбалась Жаннет. Крестовскую покорило это лицемерие – разумеется, мадам Барг не забыла, как Зина в пьяном виде била им стекла. Но ради внука она старалась изо всех сил.

– Я... была занята. Перешла на новую работу, – пробормотала Зина. – Я тоже рада вас видеть.

– Ах, какая прекрасная опера! Я так благодарна Виктору, что он вывел меня в свет! – Жаннет закатила глаза. – Это для меня такой восторг!

– Мне тоже нравится спектакль, – коротко сказала Крестовская. – А как ваш супруг?

– Благодарю. Несмотря на годы, все так же деятелен и занят делами, – мадам Барг покосилась на Виктора. – Дорогая, позвольте вас пригласить на чашечку чая к нам на Ришельевскую! В любой день, когда сочтете удобным. Я почти всегда дома. Это такое удовольствие – поговорить с образованным, культурным человеком! Буду очень рада вас видеть!

– Благодарю, – отозвалась Зина, не желая уступать мадам Барг по части хороших манер. За все время этого странного диалога Виктор не проронил ни единого слова.

В этот момент появился спутник Зины, Валентин, чем буквально ее спас. Он нес поднос, на котором были два бокала с коньяком, бутылка сельтерской и тарелочка с двумя пирожными.

При виде офицера НКВД лица Жаннет и Виктора заметно вытянулись. Зина усмехнулась про себя.

– Что ж, не смеем вас больше задерживать, – пробормотала Жаннет, – и помните про мое приглашение! – буквально выдавила она из себя.

– Обязательно! – Крестовская чуть склонила голову, и Жаннет с силой утащила за собой Виктора Барга в толпу. При этом он не сводил глаз с Зины и несколько раз обернулся.

– Кто это такие? – жуя, спросил Валентин.

– Знакомые, – ответила Зина.

– Никогда не видел таких старушенций! Это что-то! – Было видно, что ее спутник действительно удивился.

– Она француженка. Почти... – бросила Крестовская, непонятно зачем, напрочь уже забыв и про Жаннет, и про спектакль, и про Валентина. Перед ней было только лицо Виктора – единственное, что до конца вечера Зина видела перед собой.

Вечер был безнадежно испорчен, и на обратном пути из Оперного театра Крестовская почти не разговаривала со своим кавалером, который, она в точности знала это, теперь навсегда остался в прошлом...

На службу Зина пришла уставшая, не выспавшаяся. Всю ночь ее мучили кошмары. Но утром она ни за что не смогла бы пересказать их содержание. Просто что-то большое, страшное, темное увлекало ее за собой.

К счастью, в этот день не было совещаний и планерок. Но после обеда в столовой Зина все-таки столкнулась в коридоре с Бершадовым.

Он остановился, очень пристально всмотрелся в ее уставшее, вытянутое лицо, и вдруг... расхохотался. Если бы в мире существовал дьявол, то такой смех точно стал бы его визитной карточкой. Зина очень быстро бежала по коридору, пытаясь спастись от этого наваждения. А ей вслед всё звучал этот дьявольский, издевательский смех...

Так прошло пять дней. Крестовская понемногу успокоилась. А на шестой день, вечером, когда она возвращалась со службы, прямо в дверную ручку ее комнаты кто-то вдел букет ярко-красных роз.

В этот день Зина задержалась допоздна – нужно было перепечатать несколько очень важных документов. И было уже около восьми вечера, когда она наконец вернулась домой – уставшая, голодная, и вдруг этот букет роз, вставленный в ручку двери... Несмотря на зиму, цветы все еще хранили влагу и свежесть, и было похоже, что их только что срезали.

Не отпирая дверь комнаты, не вынимая букета, Зина выбежала на улицу. Остановилась, и, смешно сказать, как собака принюхивалась. А потом и безошибочно забежала за угол дома. Там в темноте стоял Виктор.

– Я ждала тебя раньше, – выдохнула она, все сильнее и сильнее ощущая легкий флер его одеколона, который, как прозрачная вуаль, все еще дрожал в воздухе, оставляя тот неуловимый след, по которому она его нашла.

– Знаю. Я все пять дней здесь хожу по вечерам, – вздохнул Бург.

– Почему не подошел?

– Боялся, – коротко ответил он.

– Меня или себя? – Зина нахмурилась, не понимая, что вообще происходит.

– Я не могу без тебя жить, – как-то очень просто сказал Виктор, потом поправил: – Нет, не так. Я *не хочу* без тебя жить.

– Зачем ты пришел? – Крестовская чувствовала предательскую крупную дрожь в теле, приходящую из глубины позвоночника так, как приходила всегда, стоило Баргу только прикоснуться к ней рукой.

– Попросить прощения, – голос его звучал глухо.

– Попросил? Теперь уходи!

– Хорошо, – он сделал несколько шагов назад, не сводя с нее глаз.

Потом все произошло быстро. Так быстро, что Зина не успела даже очнуться. Барг вдруг стремительно бросился вперед и рухнул прямо перед ней на колени, обхватил ее ноги и спрятал в подол ее пальто свое лицо...

– Прекрати! Что ты делаешь... – Крестовская попыталась высвободиться, но это было невозможно: прижимая лицо к ее ногам, Виктор все говорил, говорил без конца... Она не слышала его слов, они сливались в надоедливый, бессмысленный шум. Наконец он поднял лицо – оно было залито слезами.

В этой сцене было что-то жутко гротескное и комичное, и Зина принялась хохотать, и хохотала до тех пор, пока не сорвала голос в рыданиях. Это комичное на самом деле было трагичным – так, как часто бывает в самой настоящей, жуткой, непридуманной трагедии...

На следующее утро Зина проснулась в объятиях Виктора. Простила ли? Она никогда больше не задавала себе этого вопроса. Верила ли в то, что он изменится? Нет, она была твердо уверена, что он не изменится никогда в жизни – люди не меняются. Чувствовала ли себя счастливой? Она больше не жила на земле. Она словно укрылась облаком, зарылась в него с головой, и это облако отделяло ее не только от реального мира, но и никогда не оставляло наедине с собой.

Крестовская умирала каждую ночь в цепком кольце обнимающих ее рук и утром снова возрождалась заново. И это было больше, чем счастье – облако забвения, укрывающее ее от себя, заставляющее навсегда забыть прошлое и все, что существовало до этого мгновения.

Через неделю Виктор снова переехал к ней. Несколько дней подряд при взгляде на Зину Бершадов хмурился, и каждый раз, когда она ловила его взгляд, его лицо становилось мрачным, и Крестовская сжималась от его взгляда, прекрасно понимая, что он думает.

Как-то раз она осталась в его кабинете после очередного совещания – нужно было обсудить кое-какие дела. Но Бершадов не стал этого делать, даже намеренно закрыл папку с бумагами. Потом вперил в нее тяжелый взгляд.

– Знаешь, Зинаида, какая самая отличительная черта всех предателей? – вдруг произнес он.

– Нет, – пролепетала Зина. Ей стало трудно дышать.

– Главная отличительная черта всех предателей – это трусость. Больше всего на свете, больше потери собственной жизни предатели боятся сказать правду. Это для них мучительнее, чем средневековая казнь, когда заживо сдирают кожу. А значит, они снова и снова будут предавать.

– К чему это ты? – нахмурилась Зина, прекрасно понимая, что подразумевает Бершадов.

– Попробуй спросить предателя о правде – и ты сама увидишь, что с ним будет. Попробуй задать простой вопрос: как мы будем жить дальше? И ты сама не согласишься тому, как быстро сдается предатель, – просто как мыльный пузырь.

– Я все еще не понимаю, к чему ты говоришь это, – Зина отвела глаза в сторону.

– К предателям нельзя возвращаться, – не сдержавшись, хлопнул рукой по столу Григорий. – Лучше грызть землю и собственные руки. Лучше биться головой о стену и как бешеный зверь выть. Но возвращаться к предателям нельзя. Нельзя! Потому что предатель будет предавать снова и снова – до тех пор, пока однажды, глядя на себя в зеркало, ты никого не увидишь в этом зеркале...

– Я не поняла ни слова из того, что ты сказал. – В голосе Зины проявилась не свойственная ей резкость. – Но у меня нет времени разводить пустые разговоры. Надо работать.

В этот вечер, вернувшись домой, она была непривычно тиха и вела себя так отстраненно, что Виктор Барг не выдержал. Обняв Зину, он сжал ее с нежной силой:

– Любовь моя, что с тобой? Что тебя мучает?

– Я не знаю, – ей хотелось плакать.

– Не думай ни о чем плохом. Гони прочь плохие мысли. Мы с тобой всегда будем вместе. До конца жизни. Рядом.

Месяц пролетел как один день. Счастливый, как сон, пока однажды утром, собираясь на работу, Зина вдруг не сказала:

– Все это хорошо, но как мы будем жить дальше? Ты думал об этом?

Вопрос был пустым, просто так. Но Барг вдруг отозвался серьезно.

– Думал, – ответил Виктор, не сводя с Зины внимательных глаз. – Я давно хотел поговорить с тобой о нашем будущем. Похоже, этот момент настал.

– Говори, – насторожилась Зина.

– Не сейчас. Вечером. Возвращайся с работы пораньше. Я скажу тебе что-то очень важное. Приготовлю ужин, мы поужинаем, и спокойно обсудим, как нам быть.

– Ты хочешь поговорить о нас? – Крестовская аж задохнулась от счастья. К счастью она совсем не привыкла, и оказалось, что от счастья трудно дышать.

– Ну разумеется, о нас! О ком же еще? – рассмеявшись, Барг поцеловал ее в кончик носа. – Вечером я с нетерпением буду ждать тебя! Я хочу сказать тебе что-то очень важное, – повторил он.

Весь день Зина летала как на крыльях. У нее было никаких сомнений в том, что Виктор хочет сделать ей предложение. Каждая женщина всегда чувствует подобный момент! Зина ощущала себя невероятно счастливой. Глаза ее сверкали, ей хотелось петь. И, глядя на ее сияющее лицо, Бершадов хмурился больше, чем обычно.

Крестовская едва дождалась шести часов, и в одну минуту седьмого вылетела с такой скоростью, которой от себя даже не ожидала. Интересно, купит ли Барг шампанское? Цветы, обязательно будут цветы! Он так любит цветы, ее Виктор. Наверняка будет в комнате празднично накрытый стол. Он ведь так старается, чтобы вокруг всегда было красиво. Ее Виктор...

Но в комнате все выглядело, как обычно – ни шампанского, ни цветов. Да и вид у Барга был какой-то... сомнительный. Он все время бегал по комнате, нервно комкая в руках матерчатую обеденную салфетку.

– Как лучше – сначала поужинать, а потом поговорить? – вдруг спросил он наивно, как ребенок.

– Ты же собирался говорить за ужином, – опешила Зина.

– Нет, это слишком серьезно. За едой говорить нельзя.

– Хорошо, – сказала, соглашаясь, Крестовская, все еще недоумевающая. – Тогда давай сначала поговорим.

– Садись. Я хочу сказать тебе одну очень важную вещь.

– Да говори уже наконец! – воскликнула Зина, рухнув на стул.

– У меня есть ребенок! – выпалил Виктор.

– Что? Что?! – Крестовской вдруг показалось, что она сходит с ума. Все вокруг закружилось с невероятной скоростью, и она с трудом удерживала равновесие в этой стремительной центрифуге.

– У меня есть ребенок от одной женщины, – повторил Барг. – Она родила от меня девочку.

– Поясни, – голос Зины прозвучал глухо.

– Я встречался с одной девушкой. У нас была связь. И от этой связи остались последствия. Она забеременела. И вот несколько дней назад родила дочь, – Виктор был похож на заведенную куклу.

– Ты хочешь сказать, что встречался, жил со мной и одновременно имел отношения с какой-то девкой?

– Ну... да, – он отвел глаза в сторону.

– Это та самая, с ювелирного завода?

– Нет. Была еще одна.

– Кто она?

– Медсестрой в больнице работала. Приехала из области. Игорь, брат, тогда занимал большой пост в НКВД. Я попросил, он помог ей добыть комнату. И она родила от меня ребенка.

– Ты уверен, что от тебя?

– Абсолютно уверен. Это моя дочь.

– Дочь... – Крестовская повторила ненавистное, калечащее ее слово и вдруг испытала такой приступ боли, что едва не упала со стула. Боль была просто невероятной – словно из Зины разом вынули все внутренности и перебили спину. Перенести ее просто не было возможности... Крестовская тихонько застонала, раскачиваясь из стороны в сторону, в глубине души истекая кровью.

Сам того не понимая, Виктор ударил ее по самому больному месту. Он просто уничтожил в ней все живое – для Зины дети были самой болезненной точкой.

Она испытывала мучительные страдания, глядя на чужих детей, особенно на девочек. Иметь маленькую дочку, похожую на нее... С глазами Виктора... С ее, Зины, волосами и ни на что не похожей улыбкой... Маленькую девочку... Дочь...

Чтобы не завывать, Крестовская закусил губу. По подбородку потекла тонкая струйка крови. Пытаясь сдержать себя, Зина раскачивалась из стороны в сторону.

– Ты прости, я причинил тебе боль. Но это моя дочь, и я должен был сказать...

Крестовская всё раскачивалась, кусая губы. Слова Барга кромсали ее по живому, оставляя шрамы, которые не заживут никогда.

– На наши отношения это никак не повлияет. Я хочу быть с тобой. Конечно, я буду ей помогать и видеться с ее матерью, но жить буду с тобой, – продолжал Виктор, похоже, не понимая, что чувствует Зина.

– Ты хочешь сказать, что спал со мной, признавался мне в любви и размножился с какой-то дешевой тварью? С генетическим мусором размножился? – взглянула она на него.

– Не надо так. Я не виноват. Так получилось. И согласись – лучше, если ты узнаешь это от меня. В конце концов, я не понимаю, чего ты так это воспринимаешь! Ведь от тебя я вряд ли смогу иметь ребенка. Ты же сама говорила, что не можешь иметь детей.

– Это то серьезное, что ты хотел мне сказать?

– В общем, да. Разве ребенок – это не серьезно?

И тут Зина захохотала. Смех просто вырвался из нее. Разрывая рот, легкие, сдирая кожу с лица... Вцепившись ногтями в щеки, она хохотала с той дьявольской силой, с которой еще совсем недавно хохотал над ней Бершадов, и всё не могла остановиться.

– Зина! – Виктор перепугался до смерти. – Зина, что с тобой?! Выпей воды!

Воды... Дочь... Девочка... Карие глаза Барга. У нее никогда не будет маленькой девочки. Ее маленькая девочка давно умерла в ее душе... Их девочка умерла... С глазами Виктора... Не от нее. Не ее дочь... Боль, слепящий колодец, обнажающий правду... Боль как сноп огня в лицо. Это фары машины, которая на полной скорости летит в пропасть. И там, внизу, острые камни, на которых разобьется все...

Уже разбилась... Она уже разбилась, и больше ничего не существует в ее переломанном теле, даже этих чужих глаз...

К удивлению Зины, она смогла двигать и руками, и ногами совершенно нормально. Она встала, открыла шкаф. Достала чемодан, с которым Виктор к ней пришел.

– Что ты делаешь? – нахмурился он. – Мы можем хотя бы поговорить? Зина!

Молча, не говоря ни единого слова, Крестовская швыряла в чемодан вещи Виктора, внимательно проверяя, чтобы на полках не осталось ничего.

Заполнив, щелкнула крышкой. Открыла дверь и вышвырнула чемодан в коридор.

– Вон. Убирайся навсегда из моей жизни. Пошел вон. – Она говорила очень спокойно.

– Зина, я...

– Если еще раз ты появишься возле моего дома, я тебя застрелю. У меня есть пистолет. Я умею стрелять. Если хотя бы еще один раз ты посмеешь...

– Я понял. Прости меня...

Барг вышел, тихонько притворив за собой дверь. А Зина упала на пол.

Она лежала на животе, подогнув ноги к груди, и выла. У нее больше не было слез. Она просто выла и выла, и этот вой разрывал ее сердце. Ей казалось, что она умирает. Зина отдала бы все на свете за избавление, за возможность счастливой смерти. Но смерть не пришла.

Она не помнила, сколько часов пролежала так, на полу. Было уже совсем темно, когда наконец Крестовская поднялась на ноги. Из буфета достала бутылку коньяка, рывком сорвала крышку и выпила, видимо, не меньше четырех рюмок – во всяком случае это было четыре глотка.

Потом она поплыла. Коньяк на пустой желудок заставил всю комнату закружиться в неистовом танце. Зина не помнила, как добралась до постели. Потом пришла темнота.

Но уже в шесть утра сознание вернулось к ней с новым приступом боли. Два часа она металась на кровати, как на раскаленной решетке. В восемь вышла на улицу. Из телефона-автомата позвонила Бершадову. Он был уже на службе – всегда приходил на работу раньше всех. Сказала, что больна. Он услышал это по ее голосу и разрешил два дня оставаться в постели. Кое-как Зина вернулась к себе. И рухнула. Она была действительно больна.

Глава 7

Когда раздался звонок в дверь, Зина поморщилась. Все это время она пролежала в полной фрустрации, почти не вставая с постели. Ничего не ела, только пила коньяк, запивая его ледяной водой. Не включала свет. Не задергивала шторы. Не застилала постели. Ей было так спокойно и хорошо. Выползть наружу было страшно.

Завернувшись с головой в одеяло, Зина представляла, что она спрятана в каком-то коконе, где ее не достанет зло и подлость людей.

А еще она курила, не открывая окна. Все внутри комнаты пропиталось дымом. Он плавал под потолком, закрутившись в фантастические кольца. И казалось, вся комната заполнена сизым туманом, сквозь который ничего нельзя разглядеть.

Звонок был полной неожиданностью. Сначала Зина хотела не открывать, но потом передумала. Это мог быть кто угодно. Это мог быть... Виктор. Она сползла с постели и, накинув халат, кое-как поплелась к двери.

На пороге стоял Бершадов. В руках у него был большой бумажный пакет. Увидев Крестовскую, Бершадов поморщился, вздохнул, покачал головой:

– Так я и думал.

Затем он решительно прошел в комнату. Положил пакет на стол. Включил люстру. Распахнул настежь окно. В комнату сразу ворвался холодный воздух. Зина поморщилась.

– Ты сегодня ела что-нибудь, ну, кроме коньяка? – кивнул он на стол.

– Не помню, – Зина отвела глаза в сторону.

– Значит, так, – Григорий резко повернулся к ней. – Взяла полотенце и быстро пошла в ванную. Пора привести себя в человеческий облик. На тебя страшно смотреть. Ты ведь женщина, в конце концов! Пока ты будешь в ванной, я накрою на стол. Еду я принес. Пить будешь только чай, поняла? Поговорим по-человечески. Не дело вот так себя убивать. И из-за кого?

– Ты знал, – вяло сказала Зина.

– Разумеется. Ты все правильно сделала. А теперь быстро пошла в ванную! Потом поговорим.

Возможно, Крестовская нуждалась в том, чтобы кто-то ее встряхнул, вот так покомандовал. Выйдя из ванной с мокрыми волосами, она почувствовала себя совсем другим человеком. Конечно, это было не уютное спокойствие, в которое она пряталась, а уже некое действие, но оно понравилось ей даже больше. Зине было почти хорошо.

В комнате уже был накрыт стол. Еда разложена по тарелкам, дымился чайник. Все так по-домашнему, уютно.

– Садись, – скомандовал Бершадов, – и ешь.

– Что это? – Крестовская с интересом пододвинула к себе тарелку.

– Тефтели в томате с пшеничной кашей. Между прочим, я сам готовил. Догадывался, в каком ты состоянии, поэтому еду с собой принес.

Из бумажного пакета выглядывала алюминиевая кастрюлька и миска. Зина через силу начала есть. Неожиданно все это оказалась невероятно вкусным, и Крестовская проглотила все с огромным аппетитом. Вкусная еда придала ей сил, даже ее настроение улучшилось. Глядя на нее, Бершадов улыбнулся:

– Ну наконец-то! Добро пожаловать домой.

– Куда? – не поняла она.

– В себя! И долго ты еще будешь убиваться из-за такой мрази, как этот Барг? Я ж тебя предупреждал!

– И долго ты еще будешь за мной следить? – в тон ему ответила Зина.

– Я не следил, – Бершадов стал серьезным, – я знал, что у него есть ребенок. И ждал, когда все это выплывет наружу.

– Откуда ты мог знать, что я с ним помирюсь? Мы расстались с ним еще весной прошлого года! – вскрикнула Зина.

– Это было несложно, – Григорий даже не улыбнулся. – Барг из тех людей, что все время пятятся. Он – ничтожество. Такие все время ползут назад. Пройдет время, и полезет к тебе снова. Это самое мерзкое, что только может быть в мужике. Наплевать в душу женщины, и лезть к ней снова.

– Нет, – Зина решительно мотнула головой, – больше этого не будет. Он никогда больше не появится в моей жизни. Если полезет еще раз, я его застрелю.

– Что? – рассмеялся Бершадов.

– Что слышал! – зло отрезала она. – Я застрелю его. Я ему так и сказала. Появится еще раз – буду стрелять.

– Если ты готова выстрелить в него, значит, ты до сих пор его любишь, – грустно, как-то по-человечески произнес Григорий.

– Ничего это не значит! Тоже мне специалист, – рассердилась Крестовская.

– Одного не могу понять, – Бершадов испытующе смотрел на нее. – Почему это тебя так задело? Ну ребенок и ребенок, тебе-то что? Он ведь не собирается жениться на его матери. Никогда не будет с ней жить. Он хотел жить с тобой. Почему это так задело тебя?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.